

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВЫПУСК 107

ВЫРАЖЕНИЕ ЭКСПРЕССИИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

906236

НОВОСИБИРСК

1976

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета

Редакционная коллегия:

Н. С. Фомченко (ответственный редактор), **Б. В. Мака-
рчев, Э. М. Вольфсон**

В сборнике содержатся материалы исследований некоторых средств выражения экспрессии в языке и речи, анализируются такие компоненты экспрессии, как интенсивность, эмоциональность и образность. Однако часто каждый из компонентов выступает не в чистом виде, а в соединении с другим. Так, в статьях Э. М. Вольфсон и А. М. Лейко сочетаются эмоциональный и интенсивный компоненты экспрессии, в статье М. П. Бондаренко — эмоциональный и образный компоненты, в статьях Т. В. Очеленковой — образный и интенсивный, в статьях К. Ф. Свёкровой и Б. В. Макарчева рассматривается интенсивный компонент.

Настоящий сборник предназначен для студентов и преподавателей факультетов иностранных языков педагогических институтов.

Я. Г. БИРЕНБАУМ

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И ЭКСПРЕССИВНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ВВОДНОСТИ

1. В пространство вводности (ПВ) мы включаем модальные слова и другие вводные единицы (ВЕ), парентезы вежливости, союзные парентезы, парентезы, служащие для выделения темы или ремы, обращения, междометия и их эквиваленты, вставки и обособления. ВЕ содержат ряд семантических сегментов: кроме модального, эмоциональный, эмфатический, относительный, формальный, адресантный, адресатный и др. [2]. Уже перечень основных сфер и сегментов ПВ показывает, что оно является одной из основных (но не единственной) областей выражения чувств (эмоциональность) и усиления частей высказывания (экспрессивность) в предложении, так как в нем в большей мере осуществляется актуализация передаваемого сообщения в конкретных условиях общения. Обращения и парентезы вежливости (*please, sorry, excuse me, pardon, no offence, with the greatest respect, in my humble submission*) обычно передают чувства говорящего, особенно его отношение к собеседнику: *Get off, there, you old devil* (A. Cronin). Сам факт сильного обособления выделяет эту часть предложения [20]. Модальные слова и другие ВЕ относятся обычно к содержанию всего предложения. Однако они могут замыкаться на одной его части, что служит средством ее выделения [15]: *Our neighbour, living alone and with, apparently, a restricted circle of friends, seemed disposed to an acquaintanceship* (A. Cronin). Союзные парентезы служат для связи частей текста внутри и вне предложения и передачи отношения связуемых частей к целому. Многие из них выделяют присоединяемые части, например, *what's more, worse than that, apart from that, into the bargain*. Уже давно отмечалось, что вставки имеют значительно больший смысловой вес, чем синонимичные им части предложения, не относящиеся к ПВ [18], что легко проверяется субституцией. Но и по содержанию вставки бывают весьма экспрессивными и эмоциональными, например, *...at the time the quarrel between us was so bitter that I*

did not — **to my shame I say it** (and he sighed deeply) — offer to do anything (R. Haggard). Очевидно, нет ни одной сферы или сегмента ПВ, в которых так или иначе не находили бы проявления экспрессивности и (или) эмоциональности. Но в предлагаемой нами системе ПВ выделяются сегменты, в которых выражение эмоциональности и экспрессивности является сущностью их содержания. Поэтому в настоящей статье мы подробнее освещаем эмоциональный и экспрессивный сегменты ВЕ, междометия и тематические парентезы.

2. Эмоциональные ВЕ передают чувства, испытываемые говорящими в связи с основной мыслью предложения, переживания, в плане которых описывается сообщаемое (сожаление, огорчение, радость, смущение, ожидание, надежда, беспокойство, боязнь, изумление, одобрение, безразличие, (не)удовлетворенность, досада и пр.), оценку сообщаемого с точки зрения общих категорий счастья и несчастья, разные впечатления, вызванные содержанием предложения, стремление вызвать у слушающего (читающего) желательную реакцию или предупредить нежелательную: *no wonder, strange to say, to make the matters worse, to do smb. justice, seriously, ironically, characteristically, peculiarly, strangely, oddly, curiously, regrettably, alarmingly, surprisingly, unbelievably, (un)fortunately, (un)luckily, (un)happily, to smb's surprise (amazement, alarm, astonishment, horror, sorrow, joy, regret, delight, disappointment, confusion, shame, grief, misfortune, disgust, luck, pleasure, relief), jokes apart, etc. No wonder my feet kill me each night (E. O'Neill); «And joking apart, quite apart», he began... «mentioning no names and intending no offence, I say it's time there were a few more cases in this town». (J. Priestley); To make matters worse, the air had turned sultry... (A. Cronin); ...suddenly, to my sorrow and to his unfeigned delight, we found ourselves... plunged into a problem at our very doors... (A. Conan Doyle); Surprisingly, the two maidens (Jane Seymour and Nicold Paget) are made more treacherous than their respective mates (Morning Star); Regrettably, the life of a police officer cannot be allowed to stand in the way of protecting the president of France (Fr. Forsyth); Luckily for us, Infadoos and the chiefs knew all the pathways of the great town perfectly... (R. Haggard); Holmes was accessible upon the side of flattery, and also, to do him justice, upon the side of kindness. (A. Conan Doyle); ...Schopenhauer — tries... to describe a similar pair of eyes, and makes, I'm delighted to say, an entirely comparable hash of it. (J. Salinger); ...so here I came. But strangely enough, I've hung on. And strangely enough, I haven't disintegrated. (J. O'Hara); In late May of 1942, the progeny — seven in number... were flung, extravagantly speaking, all over the United States. (J. Salinger). Основатели теории вводных и модальных слов*

выделяли в первую очередь два значения — модальное и эмоциональное: «...необходимо проводить принципиальную четкую грань между разными эмоциональными формами выражения реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности, хотя обе эти сферы речевых явлений, в которых отражается объективная действительность в ее преломлении в общественном сознании людей, находятся между собой в самом тесном взаимодействии» [4].

3. Экспрессивные ВЕ заключают в себе способ заверения собеседника, подтверждение истинности, достоверности или указания на сомнительность, недостоверность высказывания, уверенность или колебание, усиление, подчеркивание, акцентирование, придание особой значимости. Как бы отходя в сторону от самого высказывания, автор вновь убеждается в верности высказанной мысли или, наоборот, не решается признать, что его слова адекватно отражают ситуацию: *indeed, for that matter, for the matter of that, to say the least (of it), speaking in a candid way, to say (tell, speak) the truth, frankly (sincerely, rightly, honestly) speaking, to speak candidly (quite plainly), to be sincere (honest, plain, candid), truly, honest (ly), veritably, plainly, distinctly, precisely, clearly, frankly, allegedly, admittedly, literally, positively, confessedly, decidedly, eminently, really and truly, definitely, absolutely, exactly, actually, above all, of all smth, not at all, in no wise, no mistake about it, needless to say, by all (no, any) means, as a matter of course (fact), in point of fact, as a fact, in truth (effect, reality, all candour, strict fact), etc: In fact, I'm thinking of taking him off the road (J. Priestley); But why would you not let me near you, since there was in truth no infection? (A. Conan Doyle); Needless to say, you are all sworn to total silence... (Fr. Forsyth); If the fellow comes you will follow him home. But no indiscretion, and, above all, no violence. (A. Conan Doyle); It is eminently a case for personal investigation (A. Conan Doyle); All I can remember is... a huge ruffian, whose eyes seemed literally to be starting out of his head...(R. Haggard); Indeed the gun is ready, and frankly I regard it as one of my masterpieces... (Fr. Forsyth); But it's watertight, no mistake about that. (J. Priestley); And aren't you looking well? Ten years younger, honest! (J. Priestley); No, Miss, rightly speaking, it isn't over... (J. Priestley); The recognition of Venables by the chemist... was interesting, to say the least of it. (A. Christie); Well, just after the turn of the century — October, 1902, as a matter of fact. October the fourth. to give you the exact date. Twenty minutes past three in the afternoon. to give you the exact time. (J. O'Hara); Why, of all places on this wide earth, does he, of all men alive, haunt my house like a shadow. (H. Caine).*

4. Междометия по праву считаются ядром эмоциональной лек-

сики [14]. Их выделяют как часть речи с общим значением передачи эмоций и волевых импульсов и способностью придавать всему высказыванию эмоциональную и волюнтаристическую окраску. Формальными признаками этой части речи являются неизменяемость и способность образовать отдельные предложения. Будучи частью речи, междометия включают в свой состав только слова, а сочетания слов и предикативные единицы, которые нередко приводятся как междометия, следует рассматривать как их эквиваленты.

Большинство лингвистов считает междометия чистыми знаками эмоций и волевых побуждений, лишёнными сигнификативной функции [6], другие авторы находят в них предметно-логическое содержание [3], а третьи причисляют такие междометия, как **о!** **ах!** **ф-ф!** к знакам непосредственных эмоций, а такие, как **увы!** **баста!**, к выразителям понятий и суждений [11]. При любом решении этого спора остается очевидным, что междометия служат для передачи эмоционального реестра высказывания. Английские междометия хорошо описаны [24], поэтому мы ограничимся одним примером: I was taken down — **ow** — **ouch** — last night... (O. Henry).

Еще А. А. Шахматов причислял к модальным образованиям (некоторые бранные выражения и заклинания, потерявшие первоначальное значение и употребляющиеся как простые восклицания [22]. Все апелляции к богу, к черту и их эвфемистические и дисфемистические заменители можно причислить к эквивалентам междометий. Они обычно строятся по отстоявшимся в языке структурно-семантическим моделям с бесконечно варьирующимся, но обозримым лексическим наполнением: God, Goodness, Goose, Christ, Jesus, Lord, Heavens, Devil, Hell, Woe, boy, etc; My God (Gum, word, aunt, eye, hat, etc); Good gracious (heavens, etc); God almighty, by God (Gar, Gad, golly, gosh, gum, gow, gee, grabs, grary, Jupiter, Jove, jingo, George, ginger, jeez, Jimini, Judas, Christ, the Lord, heavens, heck, thunder, Caesar, my hand, etc) [13]; in the name of God (goodness, truth, etc); for shame; for God's (Heaven's, Pete's, goodness, pity's, etc) sake; for the love of God (Mike, etc); (up)on my word (honour, soul, oath, credit, etc); God's life. Zounds; God forgive (help, save, bless, etc) me (you, us, etc); Damn (eurse, dash, hang, blast, etc) your eyes (it, it all, you, the world, etc); shame upon you; Bless me (you, us, etc); mercy on the man (you, me, etc), thank God (goodness, heavens, etc); dear me. My, etc, etc: **Heavens**, I hear his step upon the stair (A. Conan Doyle); **Theatricals** suit you, **Miss Trant**, **my word** they do... (J. Priestley); I was listening to you playing the banjo... **And by jingo**, it was good too. (J. Priestley); **For Pete's sake**, if we're going to play cards, let's play. (E. O'Neill); **«For the love of**

Mike», cried Inigo, «don't tell me there's something wrong with her too!» (J. Priestley); **On my solemn oath**, Edmund, I'd gladly face not having an acre of fand to call my own... (E. O'Neill); This is no ordinary concert party. I can tell you. **Hang it**, I ought to know (J. Priestley).

Эмоциональная и экспрессивная лексика отличается недолговечностью. Ее выразительные возможности часто связаны с новизной. То, что становится общепринятым, не удовлетворяет выразительные потребности, поэтому старые выражения модифицируются по форме, лексическому содержанию, по структуре, либо новым лексемам придается междометная сила, либо строятся новые сакральные формулы, например, *by God's arm, by cock's body, by the great Caesar's ghost, Heaven save the ladies, dog my cats* [19]. He was too old to start at the bottom, **suffering J.** (Br. Moore); Vince had felt guilty about the continued association and now, **praise be**, he could again consort with Joe fruly and mithout guilt (Thompson).

Когда эмоциональные слова служат для выделения отдельных членов предложения, они приближаются к частицам. Например, *the hell, the devil, on earth, in the world* часто усиливают вопросительные слова: **What in the whole wide world** can be the connection between this dead painting man and the affair at Birlstone? (A. Conan Doyle).

В эмоциональной области трудно разграничить отношение к высказыванию, к мысли об объективной данности и к самой объективной данности [1]. Метаязыковость в данном случае смыкается с разноплановостью вообще, а междометия и их эквиваленты — с эмоциональными ВЕ, вставками и обособлениями [7], например, **Then I heard of this place — curse the hour that the name first fell upon my ears!** — and I came to better myself (A. Conan Doyle); Vince, son, is there **honest — to — God** any use in me wasting a deputy's time to take fingerprints (W. Thompson); **...heaven knows**, there had been enough of them... (E. Gardner).

Такие эмоциональные единицы, как *see (here), look (here), come, pray, behold, say, listen* и др., сохранили в языковом сознании носителей языка ассоциацию с глаголом [8] и могут быть интерпретированы как усеченные вводные предложения [10]. Однако они приобрели свойственную междометиям диффузность значения [19] и могут рассматриваться как их эквиваленты или даже как междометия [12].

Междометия и их эквиваленты дают оценку сообщению не только с точки зрения собственных чувств говорящего, но и с точки зрения эмоций собеседника, третьего лица или коллектива. Такая оценка часто приобретает значение социальной характеристики явления [17].

5. К тема-рематическим парентезам мы относим элементы ПВ, служащие для выделения единиц актуального членения (коммуникативного уровня) высказывания: либо темы (данного, исходного пункта, логического субъекта), либо ремы (того нового, что сообщается о теме, ядра высказывания, логического предиката). Актуальное членение в известном смысле стоит вне самой описываемой ситуации и отражает динамическую перспективу развития событий или описания, как ее представляет говорящий. Это связывает актуальное членение с метаязыковостью. В то же время, подчеркивая тему или рему, мы описываем саму ситуацию и ее участников, обстоятельства, действия и качественные характеристики.

Если междометия — это парентезы, тесно связанные с эмоциональными ВЕ, то тема-рематические парентезы примыкают к экспрессивным ВЕ.

Тема в английском языке может выделяться следующими средствами:

1) «Именительный темы» [16], который в английском языке выражается не именительным падежом, а именной группой, вынесенной в начало предложения и не связанной с ним. Это построение характерно для неформальной разговорной речи: *Mrs. Chillingford she tells it to Agnes, and Agnes tells it to young Cripps as brings the milk (J. Priestley); Myself, I never believe in taking any man's dollars... (O. Henry)*. Кроме начального обособления, встречается более редкое и более эмфатичное конечное положение [5]: *...had she no dignity, the woman? (Br. Moore)*.

2) *As for smb., as to smb. 23: As for Mr. Oakroyd, he wandered through an enchanted country. (J. Priestley); As to you, Corruthers, you would have done to keep your pistol in your pocket (A. Conan Doyle)*.

3. *for one, for smb's part, on smb's side: ...I, for one, have no anxiety to trace its course. (R. Haggard); For my part, I should be sorry to think that there was nothing between Anthony and Cleopatra... (S. Maugham); You've honoured me by doing some research on my publication. I, on my side, have collected some excerpts from yours... (A. Cronin)*.

4) *Speaking (talking) of smb, as regards smb: ...I asked Bim Blackwood, but he didn't want to make the jump. Speaking of Bim, he's certainly come along. (J. Updike); As regards the latter, I can only say that it does not pretend to be a full account (R. Haggard)*.

И. Г. Чередниченко разбирает русские придаточные типа *что касается меня, что до меня*, соответствующие английским тематическим парентезам, и называет их придаточными касательства, предварительно сообщающими, относительно кого или чего из-

лагается содержание главного предложения, причем это лицо или предмет в главном предложении выражается местоимением [21]. Эти придаточные соответствуют тематическим парентезам. В английском сложноподчиненном предложении такую роль выполняют некоторые придаточные с союзом *if*: *Hunter Quartermain should be able to tell you about elephants if anybody can* (R. Haggard).

Иногда основное содержание высказывания заключено в придаточном, так что средством выделения темы служит, по сути дела, главное предложение: *If ever a man was hated, he was* (Du Maurier).

Рема может выделяться теми же парентезами, что и тема: *As for its being silly — well we're all a bit silly, aren't me?* (J. Priestley); *Duke is greatly agitated, and as to me, you have seen yourselves the state of nervous prostration to which the suspense and the responsibility have reduced me.* (A. Conan Doyle) [9]. *As regards absolute proof, there is none* (F. Forsyth).

Особенно часто рема подчеркивается с помощью вводных придаточных предложений: *That Convoy, I'm thinking, he's a buggero if ever there was one.* (St. Barstow); *It's possible of course, that he was feeling depressed, as he well might be* (R. Knox).

К тема-рема-тематической парентезе следует отнести также конечные репризы с глаголом-заместителем или репрезентантом: *Spends half his time in t'pictures, our Willy does* (St. Barstow); *He's real genned up, Mr. Van Huyten is, and he makes is interesting...* (St. Barstow).

6. Эмоциональность и экспрессивность широко представлены в ПВ, и их детальное описание еще предстоит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, 50—51. Семантическая иррадиация передает эмоциональную тональность в отражении действительности на характер передачи этой действительности.

2. Биренбаум Я. Г. Пространство вводности. Вопросы синтаксиса английского языка. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, Л., 1976.

3. Богуславский В. М. Слово и понятие.— Сб.: Мышление и язык, М., 1957, с. 270—271.

4. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах. Труды института русского языка АН СССР, т. 2, 1950, с. 49; ср.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945, с. 186.

5. Гак В. Г. Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке, ФН, 1975, № 5, с. 55.

6. Грамматика русского языка, т. 1, Морфология, изд. АН СССР, М., 1963, с. 647; Киприянов В. Ф. Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке, ФН, 1975, № 3, с. 82.

7. Грамматика русского языка, т. 2, Синтаксис. Изд. АН СССР, М., 1954, с. 169; Грамматика современного русского литературного языка, АН СССР, Институт русского языка, М., 1970, с. 614.

8. Есперсен О. *Философия грамматики*, М., 1958, с. 100.
9. Ившин В. Д. Основные понятия коммуникативного синтаксиса и принцип членения предложения на коммуникативном уровне. Сборник трудов МОПИ им. Н. К. Крупской.— *Вопросы синтаксиса современного английского языка*, вып. 1, 1972, с. 13.
10. Кобрин Н. А. Предложение с вставной предикативной единицей в современном английском языке, Автореф. докт. дис., Л., 1974, с. 25.
11. Колшанский Г. В. *Иностранные языки в школе*, М., 1962, с. 35.
12. Корнеева Е. А., Кобрин Н. А., Гузеева К. А., Оссовская М. И. *Пособие по морфологии современного английского языка*, М., 1974, с. 107.
13. Литвищенко Г. С. Междометные фразеологические единицы с предлогом *by*. Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи, Горький, 1972, с. 158—160.
14. Михайловская В. Н. О лексических средствах выражения эмоциональности. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 261; *Вопросы теории английского языка*, Л., 1965, с. 93.
15. Панфилов В. З. Языковые универсалии и типология предложения, *Вопросы языкознания*, 1974, № 5, с. 112—113.
16. Пешковский М. А. подробно описал его в русском языке как именительный представления. (*Русский синтаксис в научном освещении*, М., 1956, с. 404—406).
17. Поспелов Н. С. Учение о частях речи в «Российской грамматике» Ломоносова и русская грамматическая традиция, *Вестник МГУ*, 1954, № 1, Серия общественных наук, с. 85; Ганич Д. И. Модальные функции вводных слов в современном русском языке, Автореф. канд. дис., Киев, 1953, с. 11.
18. Ризель Э. Г. Смысловые и стилистические функции парантетической связи (на материале немецкого предложения), ФН, 1962, № 4, с. 84; Сердюкова Л. И. Вводная предикативная конструкция как компонент объемного предложения в прозе У. Фолкнера.— *Сб-к науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца*, вып. 77, М., 1974, с. 142.
19. Скребнев Ю. М. Стилистические функции вводных элементов в современном английском языке, Автореф. канд. дис., Л., 1956, с. 16; Литвищенко Г. С., указ. соч., стр. 159.
20. Структурный синтаксис английского языка, под ред. Л. Л. Иоффик, ЛГУ, 1972, с. 65—66.
21. Чередниченко И. Г. Особые случаи придаточности в современном русском языке. *Вопросы славянского языкознания*, кн. 1, изд. Львовского университета, 1948, с. 116—117.
22. Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка*, Л., 1941, с. 272.
23. Plyish B. *Structure of Modern English*, М.—Л., 1965, p. 202; Биренбаум Я. Г. К вопросу об актуальном членении. Республиканская конференция по вопросам языкознания и методики преподавания иностранных языков (тезисы докладов), Алма-Ата, 1964.
24. Zimmer W. *Die neuenglische Interjektion*. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 1957, N 3.

М. Г. БОНДАРЕНКО

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ЭКСПРЕССИИ В НОВЕЛЛАХ М. ЭМЕ

Экспрессия — явление многообразное, многоплановое. Вопросы языковой экспрессии были разработаны в трудах Ш. Балли, который противопоставлял экспрессивность интеллектуальному в языке [3].

Развивая учение Ш. Балли, многие ученые уточнили термин «экспрессия». Так, Е. М. Галкина-Федорук писала о необходимости различия экспрессивных и эмоциональных элементов в языке, определяя экспрессию как «усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного» [5, 107].

А. И. Чижик-Полейко писала: «Речь, выражающую (кроме логического содержания) внутреннее состояние говорящего, воздействующую на чувства и волю слушателя, называют экспрессивной» [9, 15].

Различают экспрессивные средства, которые присущи самой системе языка, т. е. языковую экспрессию, и речевую экспрессию. В данной статье делается попытка рассмотреть некоторые лексические средства экспрессии на материале новелл французского писателя Марселя Эме.

При анализе лексической экспрессии возникает необходимость рассматривать семантическую структуру слов, предметом обозначения которых являются непосредственные эмоциональные и волевые побуждения человека. Последние расцениваются как части реального мира. Эти оценки человеком предметов и явлений действительности «материально обоснованы самими оцениваемыми предметами и всем культурно-историческим развитием людей, закрепившим в языке общественное отношение к объектам и явлениям реальной действительности» [7, 30].

При анализе лексических экспрессивных средств выявляется роль экспрессивного значения в семантической структуре слова.

До сих пор дискутируется вопрос, является ли экспрессивное значение компонентом значения слова [3], [6].

Большинство исследователей считают, что «значимым в слове является не только его предметное значение (понятийное содержание), но и его экспрессивно-стилистическая окраска в широком смысле» [10, 254].

Анализируя некоторые средства лексической экспрессии в новеллах Марселя Эме, мы употребляем при определении экспрессивного значения слова метод идентификации, предложенный Ш. Балли.

В творчестве М. Эме, интересном, разнообразном, пестром, самое заметное место занимают новеллы. Для него характерна позиция бесстрастного наблюдателя. Герои Эме — либо забытые, униженные, часто ограниченные «маленькие люди», не удовлетворенные своей жизнью, либо самодовольные, тупые буржуа. В его новеллах реальная жизнь и фантастика причудливо переплетаются. Автор исходит из самых невероятных ситуаций, логично развивая, дополняя их бытовыми деталями, подробностями. Иногда М. Эме делает вид, что встает на точку зрения своих персонажей, понимает их, даже сочувствует им, но в то же время он смеется над их тупостью, самодовольством, ограниченностью. Новеллы Эме динамичны, искрятся галльским юмором.

Анализ лексики новелл показывает, что автор использует ингерентную и адгерентную лексическую экспрессию.

«Экспрессивность, внутренне присущая данному слову (или выражению) как элементу (единице) языка, называется ингерентной лексической экспрессивностью» [1, 523]. К словам с ингерентной лексической экспрессивностью можно отнести *une balade, un roublard, une gourgandine, un salopard, un bougre d'imbécile, un vieux birbe, la gueule, la garce, efflanqué, un gredin*.

P. ex. *L'agent haussa les épaules et grommela en s'éloignant: «Bougre d'imbécile... feriez mieux de rentrer chez vous, au lieu d'embêter le monde avec vos histoires de soulot»* [10, 74].

«*Vieux birbes, il n'a pas tenu à vous que mon frère ne meure de faim et de misère*» [10, 135].

«*Regarde — la, ta gourgandine, dit Mathilde. Elle en a trouvé un...*» [10, 52].

Перечисленные слова помимо «предметной» информации выражают отношение говорящего к обозначаемым данными словами явлениям, известным образом характеризуют самого говорящего. Они часто оказываются и стилистически окрашенными. Таким образом, признаки стилистические и экспрессивные часто пересекаются в слове. Так, в «*Nouveau petit Larousse*» *vieux birbe* имеет помету *populaire* и *péjoratif* и объяснено следующим образом: *vieillard incapable de s'adapter à la vie, aux idées actuelles*.

Следует отметить, что слой слов с ингерентной экспрессивностью невелик. В новеллах эти слова используются главным образом в прямой речи или в несобственно прямой речи, которая сохраняет характерные особенности речи персонажей.

В новеллах М. Эме наряду с ингерентной экспрессивностью используется адгерентная экспрессивность, которая проявляется в результате употребления слов в речи. Например, слово *faucher* в предложении *Sa canne le gênait, en tournant autour d'une table, il faucha un verre vide* [10, 53].

Семантическая структура слова *faucher* по «Nouveau petit Larousse» такова:

Faucher — *couper avec une faux*: *faucher l'herbe d'un champ* (fig. *abattre, détruire: être fauché par la mitraille*) *pop. voler, dérober: on lui a fauché sa montre.*

В данном речевом контексте на первый план выступает переносное экспрессивное значение слова. Это же явление мы наблюдаем в следующих предложениях:

1. «*Mais le désir de revanche qui bouillonnait en son coeur lui fit abandonner le ton d'ironie.*

Bouillonner: s'élever en bouillon (fam. *avoir des exemplaires invendus, en parlant d'un journal, d'une revue.*

fig. *s'agiter: bouillonner de colère.*

2. «*Elle planta son regard dans celui de son mari.*

Planter: mettre une plante en terre pour qu'elle prenne racine: planter des fleurs (enfoncez en terre, poser, placer: *planter une borne* (*fixer, élever: planter des tentes*) *dresser.*

Анализ подобных примеров показывает, что адгерентное экспрессивное значение входит в семантическую структуру слова. Источником возникновения адгерентных экспрессивных значений является полисемантность слова. В речи происходит актуализация значений. Значение полисемантного слова связано с его употреблением в различных лексико-семантических позициях, то есть в сочетании с различными группами слов.

Но экспрессия не всегда обусловлена семантической структурой слова. Слово может выступать ярким экспрессивным средством благодаря употреблению его в определенном стилистическом контексте.

В контексте всего произведения нейтральное слово может приобретать дополнительные смысловые оттенки, трансформироваться в экспрессивное.

В новелле М. Эме «*La canne*» рассказывается о мелком служащем, господине Сорье, который, взяв однажды трость умершего дяди, почувствовал вдруг себя настоящим мужчиной. Но это «самоутверждение» привело к печальным последствиям. В рамках сравнительно небольшой новеллы слово *la canne* — трость и

местоимения, заменяющие слово, употребляются 55 раз. Нейтральное слово становится экспрессивным. В начале новеллы трость — предмет, который господин Сорбье страстно хочет иметь, затем то, что придает господину Сорбье значительность, то что позволяет ему самоутвердиться, в конце новеллы после ряда злоключений трость превращается в груз, от которого господин Сорбье хочет избавиться. Новелла заканчивается словами госпожи Сорбье: «Rendez la canne à votre père. С n'est pas un jeu pour des enfants... Puisque tu l'as sortie de l'armoire, à partir de maintenant, tu la prendras tous les dimanches» [10, 57].

Экспрессивные наслоения на рассмотренное выше слово создаются всем контекстом новеллы. Экспрессивность возникает иногда в результате скопления синонимов. В одной из сцен той же новеллы автор описывает, как господин Сорбье на глазах жены и детей превращается в дон-жуана, флиртующего с вошедшей в кафе женщиной, о профессии которой госпожа Сорбье сразу догадалась. Описывая эту сцену, автор расцвечивает ее деталями, подробностями. Интересен синонимичный ряд наименований вошедшей в кафе женщины: *une femme, la créature, l'intruse, une dévergondée, une jolie femme, la belle personne, la jeune femme, la gourgandine.*

Характерно, что в системе языка указанные лексические единицы синонимами не являются. Здесь речь идет о контекстуальных синонимах. Экспрессивными являются не отдельные единицы, а весь речевой отрезок, включающий в себя указанные контекстуальные синонимы.

Ряд контекстуальных синонимов строится на дифференциации и выделении разных оттенков значения. Он передает разное восприятие: *une jolie femme, la belle personne, la jeune femme* отражают точку зрения господина Сорбье; *la créature, l'intruse, une dévergondée, la gourgandine* — точку зрения его супруги. *Une femme* — нейтрально в этом ряду. Это слово употребляется, когда автор говорит о вошедшей женщине: «*Une femme pénétra sur la terrasse*».

Подобных синонимических рядов в новеллах очень много. Экспрессивно нейтральные слова приобретают в них экспрессивность, окказиональные коннотации.

Экспрессивным делают повествование термины, окказиональные слова, созданные автором. Главный персонаж новеллы «*Le passe miraille*», неожиданно обнаружив, что он обладает странным даром проходить сквозь стены, обращается к доктору. Доктор после тщательного обследования пришел к выводу, что причина болезни *...un durcissement hélicoïdal de la paroi strangulaire du corps thyroïde* и предписал: «*le surmenage intensif et, à raison de*

deux cachets par ans, l'absorption de poudre de pirette tétravalente, mélange de farine de riz et d'hormone de centaure» [10, 22].

Здесь *pirette* — слово, по-видимому, придуманное автором.

В сказке «*Légende Poldève*» автор создает вымышленные названия страны, города. Встретив по дороге в рай свою набожную тетюшку, Бобислас говорит: «*Tiens... voilà la viocque*». Автор объясняет: «*La viocque, expression poldève qui signifie littéralement la vieille, comporte une intention péjorative des plus irrespectueuses*» [10, 169].

Повествование приобретает экспрессивность в результате сочетания слов, которые обозначают понятия, логически несовместимые. Это особенно ярко проявляется в новеллах, где автор сочетает реальное с нереальным. Так, в новелле «*Le percepteur d'épouses*» М. Эме рассказывает о жителях городка, которые по первому требованию «вносят» в казну своих жен. Поэтому появляются *verser ma femme, verser l'épouse au guichet, l'encaissement des épouses, percevoir des épouses* (*percevoir* в значении «сбирать налог»).

Данные сочетания на первый взгляд являются типичными метафорами. Но в контексте новеллы, где реальное сочетается с нереальным, глаголы *verser, percevoir, encaisser* в сочетании с существительным *des épouses* оказываются употребленными в прямом значении.

Таким образом, анализ лексической системы новелл М. Эме показывает, что автор использует ингерентную экспрессивную лексику, но слой слов с ингерентной экспрессивностью невелик. Широко использует М. Эме возможности адгерентной экспрессивности, когда на первый план выступает экспрессивное значение слова. Наиболее широко, многообразно, интересно использует М. Эме возможности контекстуальной экспрессии, когда у нейтральных единиц в контексте новеллы возникают добавочные коннотации, не свойственные данной единице в системе языка. Именно в использовании возможностей контекстуальной экспрессии проявляются индивидуальные особенности стиля автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов, Сов. энциклопедия, М., 1966.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1959.
3. Балли Ш. Французская стилистика, М., 1961.
4. Бахмутова Е. А. Выразительные средства русского языка. Лексика и фразеология. Казань, 1967.
5. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. Сборник статей по языкознанию, М., 1958.

6. Звегинцев В. А. Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова. Вестник МГУ, серия историко-филологическая, 1955, № 1.
 7. Панасюк А. Т. К вопросу об экспрессии как лингвистической категории. Вестник МГУ, филология, 1973, № 6.
 8. Степанов Ю. С. Французская стилистика, М., 1965.
 9. Чижик-Полейко А. И. Стилистика русского языка, ч. 1. Воронеж, 1962.
 10. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики, М., «Наука», 1973.
 11. Аумé М. Contes et nouvelles. Edition du Progrès, Moscou, 1967.
-

Э. М. ВОЛЬФСОН

СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ВЛОЖЕНИИ ВЕДУЩЕГО КОМПОНЕНТА

В статье рассматриваются сочетания типа «существительное + (сочинительный союз) + существительное» (парные сочетания) в современном английском языке. Лексическое наполнение парных сочетаний ограничено: оба члена входят в смысловую область мысли, чувства и состояния. Между членами парных сочетаний существуют семантические отношения вложения: значение одного члена парного сочетания входит в состав значения другого члена. Первое значение названо входящим, последнее — принимающим. В анализируемых парных сочетаниях входящее значение является ведущим компонентом в составе принимающего. Семантические отношения между членами парного сочетания можно характеризовать как вложение ведущего компонента тогда, когда один член парного сочетания входит в словарное толкование другого члена в качестве синтаксически независимого элемента на той или иной ступени трансформации объяснения [1], не позднее четвертой.

Например, в парном сочетании *the stir and excitement* [8, 365] второй член *excitement* входит в толкование первого члена *stir* как синтаксически независимый элемент.

T_1 *Stir* — 2 *public excitement*; a sensation or disturbance. Следовательно, *excitement* является ведущим компонентом значения *stir*₂.

Смысловые отношения будут рассматриваться в направлении от входящего значения к принимающему независимо от порядка членов парного сочетания в тексте, в приведенном примере — от *excitement* к *stir*. Смысловые отношения при вложении можно определить как отношения развертывания. Н. А. Шехтман понимает под семантическим развертыванием переход от менее емкой семантической структуры к более емкой, при котором последующее не только повторяет предыдущее в семантическом плане, но и содержит дополнительные семантические множители [3].

Смысловые отношения в анализируемых парных сочетаниях

определяются связями входящего значения с другими компонентами принимающего значения. Входящее значение и другие компоненты принимающего значения вступают в синтаксические связи, представляющие собой структуру развертывания. Связь входящего значения и других компонентов принимающего значения имеет содержание, определяющее семантическую функцию развертывания.

Входящие значения неоднородны: среди них есть широкие и узкие значения смысловой области мысли, чувства и состояния. Широкие значения — это значения слов *feeling, thought* и *state*.

Узкие значения — все остальные значения данной смысловой области. Парные сочетания с широкими входящими значениями и парные сочетания с узкими входящими значениями будут рассмотрены отдельно. Анализ проводится методом трансформации объяснения.

1. Сначала рассматриваются парные сочетания с широкими входящими значениями. В парном сочетании *feelings and emotions* [8, 7] первый член имеет широкое значение смысловой области мысли, чувства и состояния, второй — узкое значение этой смысловой области. Трансформация объяснения показывает, что значение первого члена парного сочетания *feelings* входит в состав значения второго члена *emotions* в качестве ведущего компонента.

T₁. *Emotion* — *strong feeling; excitement arising from the heart, not from the mind.*

В значении *emotion* компонент *feeling* определяется, уточняется компонентом *strong*. С точки зрения структуры развертывание представляет собой уточнение. Семантическая функция развертывания — характеристика интенсивности чувства. Значение *emotion* содержит ряд компонентов помимо *strong* и *feeling*: *excitement arising from the heart, not from the mind*. Эти компоненты присоединяются к сочетанию компонентов *strong feeling*.

В парном сочетании *feelings... opinions* [13, 127] значение *feeling* также уточняется в значении *opinion*.

T₁. *Opinion* — *1 a belief or judgement that is not so strong as knowledge; a view that something is probably true.*

T₂. *Belief* — *1 the feeling that something is real and true; faith; confidence.*

В отличие от предыдущего парного сочетания уточняющие компоненты *that something is real and true* характеризуют не интенсивность чувства, а его содержание.

В материале исследования отношения уточнения при широком входящем значении наблюдаются при входящем значении *feeling*, в одном случае — при входящем значении *state*.

Во всех парных сочетаниях с входящим значением *thought* имеют место структурные отношения присоединения, когда данный компонент входит в ряд однородных компонентов или групп компонентов, например, *ideas... thoughts* [9, 168].

T₁. *Idea* — 2 *a thought or picture in the mind*.

К компоненту *thought* в значении *idea* присоединяется группа компонентов *picture in the mind*. Содержание связи между *thought* и *picture in the mind* — отношения выбора, о чем в толковании *idea* свидетельствует союз *or*.

Отношения присоединения имеют место и в некоторых парных сочетаниях с входящим значением *feeling*, например, *mood and feeling* [14, 13].

T₁. *Mood* — *a state of mind or feeling*.

Отношения присоединения между компонентом *feeling* и компонентами *a state of mind* носят оттенок выбора. Интересно отметить, что во всех парных сочетаниях с широким входящим значением в случае отношения присоединения развертывание выполняет семантическую функцию выбора.

2. Далее рассматриваются парные сочетания с узкими входящими значениями. В парном сочетании *attention and respect* [15, 34] значение первого члена *attention* — ведущий компонент в значении второго члена *respect*.

T₁. *Respect* — 3 *regard; attention*.

Структура развертывания является присоединительной: *attention* присоединяется к компоненту *regard*. Семантическая функция развертывания — функция дополнения: *regard* дополняет *attention*.

Входящее значение дополняется другими компонентами принимающего значения в целом ряде парных сочетаний с узкими входящими значениями. Наряду с этим наблюдается развертывание с присоединительной структурой и семантической функцией выбора, ср. *freedom... immunity* [17, 227].

T₁. *Immunity* — 1 *safety or freedom (from disease, attack, etc.)*

Значение первого члена *freedom* входит в состав значения второго члена *immunity* в качестве ведущего компонента, присоединяется к компоненту *safety* и находится с ним в отношении выбора.

В некоторых парных сочетаниях с узкими входящими значениями имеет место развертывание с уточняющей структурой. Семантические функции такого развертывания довольно разнообразны: в принимающих значениях даются разнообразные характеристики чувств, мыслей, состояний. В парном сочетании *joy...*

triumph [10, 232] значение joy входит в состав значения triumph и уточняется всеми остальными компонентами последнего:

T₁. Triumph — 2 joy because of victory or success.

Уточняющие компоненты характеризуют причину чувства.

Семантическая функция уточняющих компонентов в парном сочетании an idea... an inspiration [9, 79] — причина, вызвавшая мысль:

T₁. Inspiration — 2 a thought or idea which comes into the mind as the result of such influences.

Входящее значение idea уточняется группой компонентов which comes into the mind as the result of such influences.

Далее приводится парное сочетание emotion and excitement [5, 104], где уточняющие компоненты характеризуют состояние:

T₁. Emotion — strong feeling; excitement arising from the the heart, not from the mind.

Компоненты arising from the heart, not from the mind, уточняющие excitement в значении emotion, указывают на причину данного состояния: место, где возникло возбуждение.

В ряде случаев уточняющие компоненты говорят о направленности чувства, например, love and charity [16, 410].

T₁. Charity — 3 willingness to believe the best about other people; brotherly love.

Значение первого члена парного сочетания love уточняется в значении второго члена charity компонентом brotherly, который характеризует направленность чувства.

В парном сочетании the stir and excitement [8, 365] уточняющий компонент указывает на лица, испытывающие данное состояние.

Stir — 2 public excitement; a sensation or disturbance.

Excitement входит в состав значения stir и уточняется компонентом public. Компонент public указывает на тех, кто испытывает состояние возбуждения.

Уточняющие компоненты могут также характеризовать интенсивность чувства, обозначаемого входящим значением, как в парном сочетании anger and rage [11, 47].

T₁. Rage — 1 furious anger.

T₂. Furious — full of fury; violent; strong; not controlled.

Компоненты violent, strong, not controlled в составе значения второго члена rage указывают на силу чувства, обозначаемого первым членом anger.

Как показывают приведенные примеры, структура развертывания может включать и элементы уточнения и элементы присоединения. В ряде случаев одни компоненты принимающего значения уточняют входящее значение, другие присоединяются к нему, ср. *fear or ...alarm* [6, 163].

T₁. *Alarm* — sudden fear and excitement caused by danger.

В составе принимающего значения *alarm* к входящему значению *fear* присоединяется компонент *excitement*. *Fear* также уточняется компонентом *sudden* и группой компонентов *caused by danger*.

Присоединительные и уточняющие элементы структуры развертывания могут сочетаться по-иному: входящее значение уточняется в составе принимающего, и к возникшей таким образом группе присоединяются другие компоненты, как в парном сочетании *pain or remorse* [7, 534].

T₁. *Remorse* — the pain which arises in the mind from a knowledge or repentance of wrongdoing; a sense of guilt; the pricking of conscience.

Значение первого члена *pain* в составе значения второго члена *remorse* уточняется компонентами *which arises in the mind from a knowledge or repentance of wrongdoing*. К группе, состоящей из *pain* и уточняющих компонентов, присоединяются другие группы компонентов: *a sense of guilt* и *the pricking of conscience*.

Проведенное исследование показало, что смысловые отношения в различных парных сочетаниях существительных смысловой области мысли, чувства и состояния, где имеет место вложение ведущего компонента, различаются и по структуре развертывания и по семантической функции развертывания. В анализируемых парных сочетаниях встречаются четыре типа структуры развертывания: 1) уточнение; 2) присоединение; 3) уточнение и присоединение: одни компоненты принимающего значения уточняют входящее значение, другие присоединяются к нему; 4) уточнение и присоединение: входящее значение уточняется в составе принимающего, и к этой группе компонентов присоединяются другие компоненты принимающего значения.

При узких входящих значениях наблюдаются второй и четвертый типы структуры развертывания, при широких входящих значениях — все типы.

Компоненты, непосредственно присоединяющиеся к входящему значению в составе принимающего, выполняют семантическую функцию дополнения при узких входящих значениях и семантическую функцию выбора как при узких, так и при широких входящих значениях.

Семантические функции уточняющих компонентов также частично совпадают и частично различаются при широких и узких входящих значениях. При обоих типах значений уточняющие компоненты характеризуют интензивность чувства. Только при широких входящих значениях определяется содержание чувства. Только при узких входящих значениях уточняющие компоненты указывают на причину чувства, состояния, причину побудившую к мысли, на направленность чувства, на лица, испытывающие определенное состояние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования, Л., 1966.
 2. Вольфсон Э. М. Выделение значений, принадлежащих одной смысловой области. Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов, вып. II, ч. I, Новосибирск, 1969.
 3. Шехтман Н. А. О семантическом повторе. Уч. Зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 491, Стилистика романо-германских языков (Материалы семинара), Л., 1972.
 4. The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield, London, Ox. Univ. Press, 1958.
 5. Bates H. E. Oh! To be in England, London, 1963.
 6. Bear, Man and God, New York, 1964.
 7. Carter D. Fatherless Sons, Moscow, 1957.
 8. Cronin A. The Citadel, Moscow, 1963.
 9. Cronin A. The Spanish Gardener, Boston, 1950.
 10. Galsworthy J. The Man of Property, Moscow, 1956.
 11. Hunter E. Happy New Year, Herbil and other stories, New York, 1963.
 12. Lawrence D. H. Letters, Penguin Books, 1954.
 13. O'Hara J. Elizabeth Appleton, New York, 1963.
 14. Plays and Players, October, 1964.
 15. Priestley J. B. Margin Released, New York, 1963.
 16. Stories of Modern America, New York, 1961.
 17. Woolf V. The Waves, Penguin Books, 1964.
-

Э. М. ВОЛЬФСОН

СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ВЛОЖЕНИИ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕГО КОМПОНЕНТА

В статье рассматриваются словосочетания типа «существительное + (сочинительный союз) + существительное», где члены парных сочетаний обозначают чувства или состояния. Статья представляет собой попытку описать смысловые отношения в словосочетании на основании компонентного анализа значений его членов. Значения чувства и состояния обязательно включают два типа компонентов: определяемые компоненты *feeling* и *state* и определяющие их компоненты. Значения могут включать и другие подгруппы компонентов. Так, значение *love*₂ содержит определяемый компонент *feeling* и группу определяющих компонентов: *affection, passion or desire between the sexes*. В рассматриваемых парных сочетаниях значение одного члена (входящее значение) входит в состав значения другого члена (принимающее значение) в качестве определяющего компонента. В парном сочетании *a love and a passion* [3, 46] значение второго члена *passion* входит в состав значения первого члена *love* как определяющий компонент.

Во всех рассматриваемых парных сочетаниях структура развертывания является уточнительной: входящее значение определяет компонент *feeling* или *state*. Между входящим значением и другими определяющими компонентами принимающего значения возможны присоединительные отношения. В одних случаях входящее значение уточняет определяемый компонент принимающего значения непосредственно, в других случаях — через промежуточные компоненты принимающего значения.

Сначала рассматриваются парные сочетания, где входящее значение непосредственно уточняет определяемый компонент принимающего значения. В таких парных сочетаниях имеет место противоречие между структурой и семантической функцией развертывания. Примером может служить парное сочетание *dislike and disgust* [4, 74].

T₁. Disgust — a very strong feeling of dislike.

Входящее значение *dislike* непосредственно уточняет определяемый компонент принимающего значения *feeling*. Значение *dislike* включает компонент *feeling* в качестве ведущего:

T₂. Dislike — a feeling against.

Если подставить толкование *dislike* в толкование *disgust* получим

T₁¹. Disgust — a very strong feeling against.

Это можно представить следующим образом:

T₁². Disgust — a very strong dislike.

Следовательно, есть основание считать, что отношение входящего значения *dislike* с другими компонентами принимающего значения *disgust* состоит в следующем: входящее значение уточняется в составе принимающего компонентами *very strong*; уточняющие компоненты характеризуют интенсивность чувства. С точки зрения структуры развертывания, представленной словарным толкованием *disgust*, входящее значение *dislike* связано с определяемым компонентом принимающего значения *feeling*. Семантическая функция развертывания определяется содержанием связи входящего значения с другими определяющими компонентами принимающего значения *very strong*. Один член парного сочетания *dislike* обозначает определенное чувство, другой член парного сочетания *disgust* обозначает то же чувство, только более интенсивное.

Семантическая функция развертывания определяется содержанием связи входящего значения с другими определяющими компонентами принимающего значения во всех парных сочетаниях, где входящее значение непосредственно уточняет определяемый компонент принимающего значения. В данной группе парных сочетаний имеют место различные смысловые отношения. Структура развертывания может быть как уточнительной (ср. *dislike* and *disgust*), так и присоединительной, например, в парном сочетании *hope... cheer* [8, 67].

T₁. Cheer — 2 a state of hope, joy or gladness.

Принимающее и входящее значения имеют разные определяемые компоненты: *cheer* компонент *state*, *hope* — компонент *feeling*. Тем не менее данное парное сочетание можно рассматривать наряду с другими парными сочетаниями, где принимающее и входящее значения имеют одинаковые определяемые компоненты, поскольку значение *feeling* включает компонент *state*.

T₁. Feeling — 3 a state of mind; an emotion.

Входящее значение *hope* вступает в отношения присоединения с другими определяющими компонентами в составе принимающего значения *joy* и *gladness*. Семантическая функция присоединения — функция дополнения. Присоединительные отношения между компонентами *joy* и *gladness* носят характер выбора. Входящее значение *hope* указывает на определенное чувство. Принимающее значение *cheer* указывает на то же чувство, а также другое чувство или состояние.

Входящее значение может вступать в уточнительные отношения с одними определяющими компонентами принимающего значения и в присоединительные отношения с другими, например, в парном сочетании *anger* and *resentment* [7, 392].

T₁. *Resentment* — a feeling of indignation or annoyance, esp. when caused by some insulting action; ill-feeling.

T₂. *Indignation* — anger caused by cruelty, injustice, wickedness, evil, etc.

Входящее значение *anger* в составе принимающего значения *resentment* уточняется компонентами *caused by cruelty, injustice, wickedness, evil*, которые характеризуют причину чувства. Входящее значение *anger* находится в присоединительных отношениях с другим определяющим компонентом *annoyance*. Семантическая функция присоединения — функция выбора. Толкование *resentment* на T₁ показывает, что компонент *annoyance* и компонент *indignation*, содержащий *anger* на T₂, уточняются характеристикой причины: *esp. when caused by some insulting action*. К подгруппе компонентов, содержащей *anger*, присоединяется компонент *ill-feeling*. Семантическая функция присоединения в данном случае — функция дополнения. Один член парного сочетания *anger* обозначает определенное чувство. Другой член парного сочетания *resentment* — то же чувство или другое (*annoyance*), причину того или другого чувства, а также еще одно чувство (*ill-feeling*).

В парном сочетании *love* or *affection* [6, 295] входящее значение *affection* также вступает в отношения присоединения и уточнения с другими определяющими компонентами, но присоединение и уточнение выполняют иные семантические функции.

T₁. *Love* — 2 a feeling of affection, passion or desire between the sexes.

Входящее значение *affection* вступает в отношения присоединения с компонентами *passion* и *desire*, между которыми имеют место отношения выбора. Семантическая функция присоедине-

ния — функция дополнения. Affection в составе значения love₂ уточняется компонентами between the sexes, которые характеризуют направленность чувства. Второй член данного парного сочетания affection обозначает определенное чувство, первый член love — то же чувство, другое чувство, желание и направленность чувств и желания. Далее рассматриваются парные сочетания, где входящее значение связано с определяемым компонентом через промежуточный компонент или компоненты. Смысловые отношения в таких парных сочетаниях в значительной мере определяются семантикой промежуточных компонентов. Промежуточные компоненты имеют либо широкие значения, либо значения причины. В парном сочетании hope and despair [5, 56] входящее значение hope связано в составе принимающего значения despair с определяемым компонентом state через компонент широкой семантики being:

T₁. Despair — 1 the state of being without hope; the loss of hope.

Как во всех парных сочетаниях с промежуточными компонентами широкой семантики, входящее значение hope, уточняя определяемый компонент state, характеризует содержание состояния. В данном случае содержание состояния характеризуется через отрицание (without).

Подгруппа компонентов, содержащая hope в качестве определяющего, дополняется подгруппой компонентов the loss of hope. Члены парного сочетания обозначают различные чувства и состояния. Despair обозначает чувство и состояние, противоположные тем, которые обозначаются hope. Кроме того, despair обозначает изменение чувства и состояния (the loss of hope).

В парном сочетании abhorrence and fear [2, 7] промежуточный компонент caused имеет значение причины.

T₁. Abhorrence — horror; great hate.

T₂. Horror — 1 a powerful feeling caused by great fear mixed with disgust; intense dislike.

Входящее значение fear в составе принимающего значения abhorrence уточняет определяемый компонент feeling, характеризуя причину чувства. Fear дополняется компонентом disgust. Подгруппа компонентов значения abhorrence, содержащая fear, дополняется подгруппой компонентов great hate. Члены парного сочетания обозначают различные чувства. Fear обозначает и определенное чувство и причину, вызвавшую другое чувство (abhorrence). Abhorrence обозначает еще одно чувство (great hate).

Наряду с парными сочетаниями, где входящее значение связано с определяемым компонентом принимающего через один промежуточный компонент, обозначающий причину, в материале исследования встретились парные сочетания, где входящее значение

связано с определяемым компонентом принимающего через ряд компонентов, один из которых обозначает причину, например, *respect and contempt* [1, 312].

T₁. *Contempt* — 1 the feeling that is caused by what is unworthy, by things or actions that are not to be feared or respected; scorn.

T₂. *Respect* — 2 show respect for; be polite to.

T₁¹. *Contempt* — 1 the feeling that is caused by what is unworthy, by things or actions that are not to be feared or shown respect for.

Входящее значение *respect* в составе принимающего значения *contempt* связано с определяемым компонентом *feeling* через ряд компонентов *that is caused by things or actions that are not to be shown*, один из которых *caused* обозначает причину. *Respect* участвует в уточнении *feeling* и уточняет компоненты *things* и *actions*. Все компоненты, уточняющие *feeling*, характеризуют причину чувства. *Respect* участвует в характеристике причины чувства и, уточняя компоненты *things* и *actions*, указывает на признак явления. Данное парное сочетание отличается от предыдущего парного сочетания тем, что член парного сочетания с входящим значением обозначает не причину чувства, обозначаемого членом парного сочетания с принимающим значением, а один из признаков явления, послужившего причиной чувства.

Смысловые отношения в парных сочетаниях с вложением определяющего компонента определяются некоторыми признаками структуры развертывания.

В парных сочетаниях, где входящее значение связано с определяемым компонентом принимающего непосредственно, один член парного сочетания обозначает определенное чувство, другой — то же чувство, но либо более интенсивное, либо вызванное определенными причинами, либо имеющее определенную направленность. Принимающий член парного сочетания в ряде случаев обозначает то же чувство, что и входящий, без уточняющих характеристик или с ними, а также другое чувство, состояние или желание.

При промежуточных компонентах широкой семантики члены парного сочетания обозначают различные чувства или состояния. При этом содержание чувства или состояния, обозначаемого принимающим членом, в основном определяется содержанием чувства или состояния, обозначаемого входящим членом парного сочетания.

При одном промежуточном компоненте со значением причины входящий член парного сочетания обозначает определенное чувство и причину чувства, обозначаемого принимающим членом парного сочетания.

В случае ряда промежуточных компонентов, один из которых имеет значение причины, входящий компонент парного сочетания обозначает определенное чувство и признак явления, послужившего причиной чувства, обозначаемого принимающим членом парного сочетания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aldridge G. A Captive in the Land, London, 1962.
 2. Bear. Man and God, New York, 1964.
 3. Carter D. Fatherless Sons, Moscow, 1957.
 4. English Short Stories of Today, Sec. Series, London, 1958.
 5. Galsworthy J. In Chancery, Moscow, 1956.
 6. Murdoch I. An Unofficial Rose, New York, 1962.
 7. Prichard K. S. The Roaring Nineties, Moscow, 1955.
 8. Thomas G. The Alone to the Alone, London, 1947.
-

А. М. ЛЕЙКО

НЕКОТОРЫЕ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ПРЯМОЙ РЕЧИ

(на материале английского языка)

Первые сведения по английской пунктуации появились в словарных статьях Н. Вебстера [16, 1680] и в грамматиках английского языка Г. Сунта [15]. Однако эти сведения относились только к отдельным положениям данного раздела английской грамматики. Более полные сведения были опубликованы в Великобритании и США в первой четверти 20 века: К. О. Нейл [8], М. Спенсер [13], Ф. Болл [4]. В последующие десятилетия проблемами пунктуации современного английского языка занимались Г. Кери [5], Рейгнер [9], М. Симпсон [10], Г. Самми [14], Р. Скелтон [11], У. Уэстон [17], Я. Фирбас [6].

В советской англистике вопрос об английской пунктуации мало разработан. В шестидесятые годы по этому вопросу появились работы Н. А. Кобриной, Л. В. Малаховского [3], Л. Н. Скляр [12]. В учебниках английского языка пунктуация рассматривалась кратко и неполно. Наиболее подробно общие принципы английской пунктуации освещены в работах Б. А. Ильиша [7]. Но, как верно замечает Н. А. Кобрина [3], отдельные положения английской пунктуации нуждаются в уточнении.

Цель данной статьи — описание стилистических функций таких знаков препинания, как восклицательный и вопросительный знаки, многоточие и точка в английской прямой речи. Стилистические функции указанных знаков препинания выявлены в результате анализа художественных произведений английских и американских авторов.

Проф. И. В. Арнольд [1, 14] справедливо утверждает, что «эмоциональное и эстетическое воздействие литературы при восприятии ее содержания зависит от сочетания обеих реализаций — звуковой и графической. Проблема специфики стилистической функции графических средств до сих пор разработана еще недо-

статочно». Существуют разные точки зрения относительно того, к какому разделу языкознания следует относить пунктуацию. Так, знаки препинания у Ф. Болла [4, 313] — это не предмет грамматики, а риторики, то есть их часто употребляют для замедления темпа чтения и создания других риторических эффектов.

Иного мнения придерживается Я. Фирбас [6]. В своей работе он пытается разрешить спорный вопрос о пунктуации в английском языке: что же в конечном счете определяет употребление знаков препинания — форма речи или грамматическая структура. В первой главе приводится доказательство того, что членение устной речи (то есть паузы, определенные типы интонации и т. п.) не всегда совпадает с членением письменной речи (то есть знаками препинания) и не может служить точным указанием при расстановке знаков препинания. Это серьезное возражение против устной формы речи как определяющего принципа в английской пунктуации. Далее автор приходит к заключению, что именно грамматический принцип является определяющим в английской пунктуации. Грамматическая структура английского языка обнаруживает заметную тенденцию не ставить знаки препинания между подлежащим и сказуемым, сказуемым и дополнением, хотя в речи между этими элементами может быть зафиксирована пауза.

Таким образом, членение устной и письменной речи не всегда совпадает. Не совсем одинаковым может быть также восприятие письменной и устной речи. Однако употребление знаков препинания в письменной речи по общепринятым правилам делает возможным одинаковое или сходное ее восприятие. Так, при одном взгляде на страницу художественного произведения читатель, даже не владея английским языком, легко может определить, относится ли данный текст к драме или прозе, является ли он по своему характеру повествованием или диалогом.

«В любом высказывании эмоциональная оценка имеет большое стилистическое значение, ибо она определяет выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [2]. Прямая речь часто бывает эмоциональной по характеру и поэтому обладает широчайшими возможностями для раскрытия индивидуальных особенностей речи персонажей, например:

«That's all.» The man sighed and brushed his moustache. «You hungry?»

«Kinda».

The man squeezed the boy's arm. «It's awright. I am too. What you gotta do is spit and pat your stomach». He spit out into the snow and patted his stomach. «С'mon». (A. Maltz).

Прямая речь может быть представлена повествовательным, вопросительным и восклицательным предложениями и оформляется соответственно точкой, вопросительным и восклицательным

знаками. Употребление восклицательного знака в предложении разнообразно. Он сигнализирует о наличии эмоций в предложении, например:

- 1) удивление, недоверие: «And we are going to be married on New Year's Day». «What do you mean!» cried Filer sharply. «Married!» (Ch. Dickens).
- 2) неодобрение [3, 19]: Soames stepped forward. «Very — pretty!» he said. (J. Galsworthy).
- 3) сомнение, колебание, предупреждение: «The woman who betrayed him?» «Yes.» «Hm!.. What reason?» (A. Maltz).
- 4) презрение: «...only he's very strict — and he might not want me to go anyhow!» «Oh, pshaw! But you would like to go, wouldn't you?» (Th. Dreiser).

Междометия в прямой речи несут в себе эмоциональную нагрузку всего предложения. В сочетании с восклицательным знаком междометие «O» выражает, согласно интонации, различные эмоции (просьбу, мольбу, удивление, боль, огорчение или жалобы) [4, 129]:

O dear me! O me! O no! O yes! O indeed! O really!

Для выражения различных чувств — восхищения, возмущения, неодобрения и т. п., а также с целью привлечь к ним внимание читателя — может ставиться восклицательный знак, взятый в скобки, после отдельных слов или целого предложения [3, 21]:

The children (of 5—6 years old) are up — or down graded according to their yearly «exam»(!), and also the record of frequent tests, such as spelling and arithmetic. (Daily Worker).

Вопросительный знак в предложении графически обозначает вопрос. Особую роль приобретает постановка вопросительного знака для выражения вопроса в конце эмоционального предложения, формально являющегося повествовательным! Примером этого может служить третье предложение в прямой речи в отрывке из романа В. Теккерея «Генри Эсмонд»:

Young Castlewood came clambering over the stalls before the clergy were fairly gone, and, running up to Esmond, eagerly embraced him. «My dear, dearest old Hurry», he said, «are you come back? Have you been to the wars? You'll take me with you when you go again? Why didn't you write to us? Come to mother».

В известном словаре Вебстера [16, 1680] рекомендуется употреблять вопросительный знак также после нескольких групп слов в вопросительном предложении при желании усилить каждую из этих групп, например:

Have you heard the candidate give his views on civil rights? the war? urban problems? for the farm problem?»

Рассмотрим далее стилистические функции многоточия. Г. Самми [14, 12] отмечает, что многоточие (знак приостановки, а не эллипс) выполняет свою роль в конце цитируемой фразы, только если оно ставится за кавычками: He sadly remarked, «If only I had a good vocabulary»...

Стилистические функции многоточия сводятся в последнее время к обозначению незаконченности высказывания, заминок в речи, сомнения, колебания и т. п. [3, 82]. Многоточие может обозначать в эмоциональной речи длительную паузу:

«And then my dear, dear husband came home to me... and I did not know it... And you had used your cruel persuasion upon me... you did not stop using it — no — you did not stop!...» (Hardy).

Некоторыми авторами многоточие используется как знак, усиливающий точку. Оно ставится после точки (обычно в конце абзаца) для обозначения перехода к группе предложений иного содержания. Таким образом, в конце предложения оказывается не три точки, а четыре. Многоточие ставится также после восклицательного или вопросительного знака: Finally he spoke: «We have some trouble out here last night... A Negro boy slugged Mr. Baily. Broke his jaw». (A. Maltz).

«You don't say?...» the sheriff reflected, «that must be a mean nigger. You don't break Ed Baily's jaw easy». (A. Maltz).

There she was!... Mother!... Ahead of all them!... (P. Abrahams).

При сочетании многоточия с вопросительным и восклицательным знаком оно может обозначать паузы двух видов: паузу после законченного предложения (тогда многоточие стоит на втором месте, как в вышеприведенных примерах) и паузу после незаконченного предложения, тогда оно предшествует вопросительному или восклицательному знаку:

«But where...? Tony did not finish the question. (M. Jones).

Итак, следует отметить, что система знаков препинания в прямой речи может использоваться и для выражения эмоций. Исследование стилистических функций пунктуационных знаков позволяет сделать следующие выводы: многоточие, вопросительный и восклицательный знаки могут сигнализировать о наличии эмоций в предложениях прямой речи; особо активизируются и применяются те знаки, которые способствуют выражению на письме эмоционально-экспрессивных оттенков речи. Очевидной становится та огромная роль, которую играет пунктуация в английском языке в ряду графических стилистических средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Графические стилистические средства. «Иностранные языки в школе», 1973, № 3.
 2. Брандес М. П. Стилистический анализ. М., «Высшая школа», 1971, 127.
 3. Кобринна Н. А., Малаховский Л. В. Английская пунктуация. Изд-во литературы на иностранных языках., М., 1961.
 4. Ball F. K. Constructive English Derivation, Boston, 1923.
 5. Carey G. V. Mind the Stop. A Brief Guide to Punctuation, Cambridge University press, 1939.
 6. Firbas J. K otazce hlavného cinitele v anglicke vetne interpunkcii.— Casopis pro moderni filologii, 1955.
 7. Ilyish B. A. The Structure of Modern English, M., L., 1965.
 8. O'Neil K. Punctuation. N.Y., Simmons, 1913.
 9. Reigner C. G. Using Punctuation Marks. Baltimore-Chicago, Rowe-Co., 1933.
 10. Simpson M. An ABC Punctuation, Oxford University Press, 1935.
 11. Sklar L. N. Modern English Punctuation. Higher School, M., 1972.
 12. Skelton R. Modern English Punctuation. 2nd ed. Pitman, 1949.
 13. Spencer M. L. Practical English Punctuation, Menasca, Bauta, 1914.
 14. Summey G. American Punctuation. Ronald Press Co. (Cop., 1949).
 15. Sweet H. A. A New English Grammar, p. I. Oxford, 1958.
 16. Webster's New World Dictionary. 2nd College ed. American Publish Co. N. Y., L., 1968.
 17. Weston W. J. Questions and Answers on Spelling and Punctuation, Lnd., Newness, 1948.
-

А. М. ЛЕЙКО

ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В ПРЯМОЙ РЕЧИ

(на материале английского языка)

Проблема эмоционального в языке мало разработана как в области лексикологии, так и в области стилистики. Под эмоцией понимается «душевное переживание или чувство» [4]. Мы придерживаемся определения проф. И. В. Арнольд [1, 274], которая различает относительно кратковременные переживания (радость, гнев, тревога), называя их эмоциями, и более устойчивые отношения (любовь, ненависть и т. д.), называя их чувствами.

В письменной речи эмоциональная окраска может выражаться графическими средствами. По этому поводу проф. И. В. Арнольд пишет: «Важное место в ряду графических стилистических средств принадлежит пунктуации, поскольку наряду с функцией членения предложения на составляющие его синтаксические части, членением текста на предложения и указанием общей характеристики предложения (вопрос, восклицание, утверждение), пунктуация указывает и многие элементы, важные в эмоционально-экспрессивном отношении, например, эмоциональные паузы, иронию и многое другое» [1, 275].

Целью данной статьи является описание некоторых функций пунктуационных знаков как средства выражения эмоций в прямой речи.

Пунктуация играет важную роль при передаче читателю информации с самыми минимальными потерями и без какой-либо двусмысленности. Г. Керри [5] отмечает в современном английском языке тенденцию к сокращению знаков препинания и подразделяет их на три группы:

- а) более тяжелые (точка, двоеточие, точка с запятой);
- б) легкие знаки (запятая, скобки, тире);
- в) остальные знаки (вопросительный и восклицательный знаки, кавычки, прописные буквы, курсив, абзац).

Некоторые знаки препинания сигнализируют о наличии паузы, являющейся важным средством выражения эмоций. Л. Смит [6, 29] считает, что разные знаки препинания являются сигналами пауз различной длительности. Пауза, обозначаемая точкой с запятой, является более длительной, чем пауза, обозначаемая запятой, и менее длительной, чем пауза, обозначаемая точкой. Точка и точка с запятой всегда выполняют разделительную функцию, сигнализируя о паузе.

По определению проф. О. С. Ахмановой [2], пауза представляет «временную остановку (задержку, перерыв, интервал) звучания, в течение которой речевые органы воспринимаемо не артикулируют и которая разрывает поток речи». Проф. И. В. Арнольд [1, 253] отмечает, что «паузы могут быть различной длительности, вызываться различными причинами и иметь различные стилистические функции... Полное молчание, нежелание отвечать может выражать неодобрение или несогласие собеседника или показывать, что он не в состоянии ничего сказать от изумления, неожиданности, растерянности и т. п. Таким образом, молчание может вызываться сильной эмоцией или стремлением воздействовать без слов». В этом случае о паузе сигнализируют такие знаки препинания, как многоточие, точка и восклицательный знак. В подтверждение вышесказанного приводим пример из рассказа А. Мальца «Good-by».

«You can't do that», he said, without belief.

Olga didn't answer.

«You'll come back maybe?»

«Maybe...»

Silence!

He looked at her dumbly, pleadingly... «You've got a good job, Olga. You're makin' sixteen a week. You stay here maybe you'll be a private secretary. You'll get more».

Olga shook her head.

«We gotta take care of Momma».

She didn't answer.

There was a long pause. Then... «When you goin'?»

«Now», Olga said.

«Stay till tomorrow».

She shook her head.

Пауза играет важную роль в выражении эмоций не только в прозе, но и в драматургии. Иногда вместе со знаками препинания (тире, многоточие) драматурги указывают на паузу разной длительности с помощью ремарок:

VLADIMIR: Obviously... (Pause.) Approach. (S. Beckett).

ESTRAGON: Yes yes.

POZZO: No no.

Silence.

POZZO: I don't seem to be able... (long hesitation)... to depart. (S. Beckett).

Long silence.

VLADIMIR: Say something!

ESTRAGON: I'm trying.

Long silence.

VLADIMIR: (in anguish). Say anything at all! (S. Beckett).

Наряду с упомянутыми знаками препинания эмоциональная пауза может быть выражена с помощью тире, например:

Ben: When he sees you behind him —

Gus: Me behind him —

Ben: And me in front of him —

Gus: And you in front of him —

Ben: He'll feel uncertain —

Gus: Uneasy. (H. Pinter).

Pip: What do you mean «us»?

Chaos: Let me finish —

Pip: For god's sake don't start wedding me to you —

Chaos: Just let me —

Pip: And don't whine —

Chaos: You won't let me —

Pip: You are what you are — don't whine. (A. Wesker.)

Г. Вэллинз [7, 109—111] характеризует тире как знак драматической паузы, особо выразительной, эмоциональной остановки, рассчитанной на специальный акцент голоса или жест. Если драматическая пауза не предусмотрена, тогда ставится запятая. В знаменитом двустишии А. Попа знаки препинания можно расставить тремя различными способами: «нейтральным», «экспрессивным» и «драматическим».

Нейтральный:

«Here thou, great Anna! whom three realms obey,

Dost sometimes counsel take and*sometimes tea».

Экспрессивный:

«Here thou, great Anna! whom three realms obey,

Dost sometimes counsel take, and sometimes tea».

Здесь запятая после take обеспечила достаточно долгую паузу, чтобы остановить внимание читателя и поддержать его немного в напряжении.

Драматический:

«Here thou, great Anna! whom three realms obey,

Dost sometimes counsel take — and sometimes tea». В последнем случае соблюдена пунктуация А. Попа. Тире символизирует смешной жест; это знак, намекающий на шутку, забавное дополнение; слова counsel и tea производят эффект спадающего напряжения. Предлагаемая Г. Вэллинзом классификация пауз отвечает на вопрос, нужно ли ставить запятую перед and, but, or, когда они соединяют сложносочиненные предложения. Г. Вэллинз пришел к выводу, что все зависит от намерения пишущего и от контекста. Свою мысль он иллюстрирует следующими примерами [7, 112]:

Нейтральный:

Naaman was a mighty man in valour but he was a leper.
(простое, недраматическое утверждение);

Экспрессивный:

Naaman was a mighty man in valour, but he was a leper.
(более драматическое утверждение);

Драматический:

Naaman was a mighty man in valour — but he was a leper.
(нарочито указывает на драматическую антитезу).

Как показал анализ художественных произведений, тире может употребляться при необходимости обозначить внезапную паузу для выражения какой-либо эмоции в прямой речи (нерешительность или заикание от сильного волнения);

«Yes — yes — I have felt — just that...» (A. Christie.)

«An' how do you like the colour of the cow, Mr Tuckahue?»

«The — the cow?» Tuckahue stammered. (A. Maltz.)

Писатель иногда употребляет тире для того, чтобы дать понять читателю о неожиданном или смешном конце предложения. У. Уэстон [8, 79] считает, что если писателю кажется, будто запятые не соответствуют отмечаемой паузе, он усиливает каждую запятую с помощью тире, как, например, в отрывке из «Гамлета» в начале и в конце вводного предложения:

«Who would fardels bear,
To grunt and sweat under a weary life,
But that the dread of something after death,—
The undiscovered country from whose bourn
No traveller returns,— puzzles the will».

Функции кавычек для выражения эмоций немногочисленны. Обычно внутри прямой речи кавычками выделяются слова, употребляемые иронически или в необычном значении [3, 37]:

...That young fellow — what they nicknamed him — «The Buccaneer!» — looked precious hangdog there behind her... (J. Galsworthy.)

Зачастую писатели используют в одном предложении целый пучок знаков препинания. Особенность эмоциональной функции знаков препинания может быть выражена в аккумуляции: «один и тот же мотив, одно и то же настроение или чувство передается обычно параллельно несколькими средствами, если оно имеет большое значение для целого. Такая избыточность усиливает и концентрирует впечатление и называется конвергенцией приемов» [1, 35], например:

«Yes, yes... But all the same — » Colgate looked at him questioningly. (A. Christie.)

«Yes — oh — yes — I heard as soon as I got here. Terrible...» His thin frame quivered. (A. Christie.)

Все вышесказанное свидетельствует о том, что эмоциональная нагруженность знаков препинания в прямой речи в английском языке различна и довольно многообразна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. «Просвещение», Л., 1973.
 2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., «Советская энциклопедия», 1966.
 3. Кобринна Н. А., Малаховский Л. В. Английская пунктуация. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1961.
 4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., «Советская энциклопедия», 1968.
 5. Carey G. V. Mind the Stop. Cambridge Univ. Press, 1939.
 6. Smith L. E. Punctuation Self Taught. Girard-Julius, 1924.
 7. Vallins G. H. Good English. Pan Books Ltd: London, 1963.
 8. Weston W. J. A Refresher Course in Punctuation and Spelling, London, Newness, 1947.
-

Б. В. МАКАРЧЕВ

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРЕФИКСЫ РОМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В арсенале словообразовательных морфем современного английского языка выделяется группа иноязычных формантов *arch-*, *super-* и *ultra-*. Эти форманты интересны не только с точки зрения их роли в обогащении словарного состава английского языка, но и с точки зрения их словообразовательного статуса, семантики и интернационального характера употребления.

Несмотря на наличие довольно обширной литературы по словообразованию английского языка, элементам *arch-*, *super-*, *ultra-* до сих пор уделялось неоправданно мало внимания. К. В. Пиотух в специальном исследовании, посвященном английской префиксации, относит их к корневым морфемам и на этом основании исключает из объекта исследования [7]. В работе по аффиксальному словообразованию в английском языке П. М. Карашука данные морфемы также не подлежат описанию, а лишь представлены в сводной таблице аффиксов [5]. Англисты Дж. Нэсфилд, О. Есперсен, Г. Марчанд дают довольно общую характеристику морфемам *arch-*, *super-* и *ultra-*, при этом не едины относительно их словообразовательного статуса [8; 9; 10].

Природа формантов *arch-*, *super-*, *ultra-* имеет двойственный характер. С одной стороны, по своим дистрибутивным, дифференцирующим и семантическим свойствам это префиксы, с другой — лексические единицы, обладающие признаками слова. Так в составе производных слов они занимают левую позицию, но с последующей морфемой могут писаться слитно и через дефис. Сравните: *archivolt*, но *arch-flamen*; *superflux*, но *super-film*; *ultrasonic*, но *ultra-red*. Наряду с безударным положением они могут нести второстепенное, а во многих случаях и главное ударение, например: *archiphoneme*, но *árchimage*; *superfinish*, но *supercar*; *ultramodern*, но *últra-violet*. Привлекаемые для образования слов, форманты *arch-*, *super-* и *ultra-*, выражают общекатегориальное словообразовательное значение, но наряду с этим могут употреб-

ляться как самостоятельные слова, так сказать изолированно, например: *super* — великолепный, хороший, *ultra* — человек крайних взглядов.

Принимая во внимание двойственный характер элементов *arch-*, *super-* и *ultra-*, мы считаем наиболее целесообразным отнести их к категории полупрефиксов [1]. Этим термином они и будут именоваться в нашем дальнейшем описании.

Полупрефикс *arch-* с алломорфами *archi-* и *arche-* греческого происхождения. Он проник в английский язык еще в древний период его развития (др. а. *arce-*) в составе слов, относящихся к сфере религии, например: др. а. *arcebisceop*, *arcestol*, *arceangel*.

Свободная структурная и семантическая выделимость *arch-* в составе заимствованных слов способствовала тому, что вскоре он приспособился к структурному строю языка-рецептора и стал производить слова на национальной почве. Например: *archpriest* — протоиерей, *arch-father* — праотец, *arch-prelate* — архиепископ.

В современном английском языке можно выделить три значения полупрефикса *arch-*.

1. Главный, старший. Это значение выступает в словах, обозначающих церковные саны, титулы, звания. Большая часть таких слов появилась в древний или средний период развития языка, например: *archbishop* — главный епископ, *archduke* — эрцгерцог, *archiatog* — главный придворный врач, *arch-chanter* — регент.

Среди слов данной семантической группы есть такие, которые встречаются в ряде европейских языков, т. е. имеют интернациональный характер употребления. Сравните: англ. *archdeacon*, нем. *Archidiakon*, фр. *archidiacre*, рус. архидиакон; англ. *archimandrite*, нем. *Archimandrit*, фр. *archimandrite*, рус. архимандрит; англ. *archangel*, нем. *Archengel*, фр. *archange*, рус. архангел.

2. Первоначальный, первичный, исходный. Данное значение фиксируется в составе таких производных, как *arch-father* — праотец, *arch-founder* — основатель, *archetype* — прототип.

3. Значение усиления, предельной степени качества. Это значение является результатом расширения семантики полупрефикса *arch-*. Оно реализуется в словах наиболее позднего образования, например: *arch-enemy* — заклятый враг, *arch-traitor* — архипредатель, *arch-liar* — отъявленный лгун, *archvillian* — архизлодей. Именно в этом значении данный полупрефикс обладает наибольшей степенью продуктивности в современном английском языке.

Интересно отметить, что значение высшей степени качества приобрел общий по происхождению и русский словообразовательный элемент «архи-». Например: архиглупый, архинелепый, архивраг, архинтересный и т. д. Авторы академической грамматики русского языка считают данный словообразовательный тип живым и продуктивным [4, 335].

Анализ производных с точки зрения лексико-грамматической принадлежности их производящих основ показывает, что морфологическая сочетаемость полупрефикса *arch-* распространяется главным образом на основы имен существительных. Немногочисленная группа прилагательных с элементом *arch-* это слова вторичной степени производности, образованные от соответствующих существительных посредством суффикса *-al*. Сравните: *archetype*, *archetypal*; *archduke*, *archducal*; *archdiacon*, *archdiaconal*.

Вступая в акт словопроизводства, *arch-* образует слова того же лексико-грамматического разряда, что и производящая основа, т. е. данный полупрефикс лишен транспонирующей функции.

В наиболее общем виде структурную организацию производных с *arch-* можно представить в виде следующей модели: $Spr(arch) + N \longrightarrow N_1$ (*arch-rogue*, *archimage*, *arch-foe*).

В качестве второго компонента модели допускаются не только корневые, но и производные имена существительные, имеющие в своем морфологическом составе суффиксы лица *-er*, *-or*, *-ist*, *-ess*, например: *arch-found/er*, *arch-trait/or*, *archtyp/ist*, *archduch/ess*.

Полупрефикс *super-* латинского происхождения. Его проникновение в английский датируется новым периодом развития языка и зафиксировано в таких заимствованных словах, как *superfine* (фр. *superfin*), *superior* (фр. *superieur*), *superstructure* (фр. *superstructure*).

Включившись в систему словопроизводства на почве английского языка, *super-* сохранил свое основное первоначальное значение высшей степени качества. В этом значении он сближается с полупрефиксом *arch-*, однако случаев их сочетаемости с тождественными в структурно-семантическом отношении основами не наблюдается. Значение качественной оценки полупрефикса *arch-* реализуется при сочетании с именами существительными, обозначающими одушевленное лицо. Нередко это значение связано с отрицательным оттенком эмоциональности (*arch-enemy* — враг рода человеческого, *archfiend* — князь тьмы, *arch-liar* — архиплут).

Полупрефикс *super-* выражает высшую степень положительного качества. Своей семантической сочетаемостью он охватывает основы, обозначающие лицо (*superman* — сверхчеловек, *superwoman* — необыкновенная женщина), неодушевленные предметы (*superfilm* — суперфильм, *supermarket* — большой универсальный магазин), признак предметов или их качество (*supernatural* — сверхестественный, *supernormal* — сверхнормальный, одаренный, необычный).

В зависимости от семантики производящей основы *super-* может выражать несколько оттенков основного значения.

1. Значение более высокого положения на поверхности, в пространстве, например: *superjacent* — лежащий на поверхности, *su-*

perstructure — верхнее строение, superlunary — надлунный, superstratum — вышележащий пласт.

2. Значение дополнения, добавления к чему-либо, например: supertax — дополнительный налог, superinducement — дополнительное внесение, superadd — добавлять.

3. Значение чрезмерности, превышения нормы, например: supercooling — переохлаждение, superhard — сверхтвердый, superprofit — сверхприбыль, superfatted — пережиренный.

4. Более высокое положение по службе, например: supervisor — надсмотрщик, superintendent — управляющий, директор, superordinate — старший по званию, должности.

5. Значение утонченности, изысканности, высшей степени качества, например: superfine — эlegantный, первоклассный, superexcellent — превосходный, superordinary — незаурядный, необычный.

Многозначность и широкая семантическая сочетаемость полупрефикса super- обусловили широкую возможность его морфологической сочетаемости. В современном английском языке super- привлекается для образования слов от основ имен существительных, прилагательных и глаголов. При этом вновь образованное слово остается принадлежностью той же части речи, что и производящая основа. Таким образом, структурная организация дериватов с данным полупрефиксом может быть представлена в виде трех моделей.

1. Spr(super) + N _____ N₁ (super + n. cargo _____ n. supercargo, super + n. bomb _____ n. superbomb).

2. Spr(super) + A _____ A₁ (super + a. human _____ a. superhuman, super + a. sonic _____ a. supersonic).

3. Spr(super) + V _____ V₁ (super + v. add _____ v. superadd, super + v. fuse _____ v. superfuse).

По своей морфологической структуре производящие основы, допускаемые в модели 1 и 2, могут быть как корневые, т. е. одноморфемные (superheat, superfine), так и производные, суффиксальные, а в отдельных случаях сложно-суффиксальные (superatom/ic, supervolt/age, super/aero/dynam/ic).

* Значительное количество производных с формантом super- допускает возможность дальнейшего словопроизводства посредством суффиксов прилагательных -ic, -al, -ed, -ous и существительных -ation, -ism, -ist, -ity, -ment и др. Выбор того или иного суффикса предопределяется лексико-семантической и грамматической принадлежностью производящей основы. Сочетаемость некоторых основ такова, что они допускают до 5-ти суффиксальных производных в одном словообразовательном гнезде, например: supernatur/al/, supernatur/al/ism, supernatur/al/ize, supernatur/al/ly, su-

pernatur/al/ness, superfluid, superfluid/ity, superflu/ous, superflu/ous/ly.

Полупрефикс *super-* занимает значительное место в системе словопроизводства современного английского языка с точки зрения его продуктивности, т. е. способности производить новые слова [3, 23]. В течение последних десятилетий в словарный фонд английского языка поступили такие слова, оформленные полупрефиксом *super-*, как *supermarket*, *superstar*, *superfilm*, *superradar*, *superbomb*, *superbazooka*, *superpower*, *supervoltage*, *supertorpedo*, *superpussey*, *supermatch*.

Основная масса производных с *super-* относится к специальной лексике и употребляется в различных областях человеческой деятельности, в физике (*superconductivity*, *superfluidity*), биологии (*superfetation*, *superorder*), военном деле (*supercharge*, *superbomb*), кино (*superstar*, *superfilm*, *supercamera*).

Полупрефикс *ultra-* также латинский по своему происхождению. В современном английском языке он встречается в составе как иноязычных слов (*ultramontane* фр. *ultramontain*, лат. *ultravires*, фр. *ultramarine*), так и исконно английских (*ultra-short*, *ultra-sound*, *ultra-red*).

В смысловой структуре словообразовательного форманта *ultra-* выделяется 2 значения, конкретизация каждого из которых зависит от семантики производящей основы.

1. Главным значением *ultra-* является выражение чрезмерности, превышение или избытка качества, обозначенного основой. Многие производные слова, в составе которых реализуется данное значение полупрефикса, имеют дополнительные оттенки эмоциональности, например: *ultra-rich* — чрезвычайно богатый, *ultra-modern* — ультрасовременный, *ultra-short* — чрезвычайно короткий, ультракороткий.

В своем главном значении *ultra-* сближается с полупрефиксом *super-*, т. е. является его синонимом. Имеются случаи их сочетаемости с тождественными в структурно-семантическом отношении основами. Сравните: *supersonic*- и *ultrasonic* — сверхзвуковой, *supersound* и *ultrasound* — ультразвук, *superradar* и *ultraradar* — радиовещательная станция сверхдальнего обслуживания. Однако количество таких абсолютных словообразовательных синонимов весьма и весьма ограничено, ибо каждый из этих формантов действует в кругу определенных семантических классов основ. Мы можем сказать *superfine*, но не *ultrafine*, *ultrarich*, но не *superrich*.

2. Вторым менее распространенным значением *ultra-* является выражение нахождения за пределами чего-либо. Это значение выступает в таких заимствованных словах, как *ultramontane* — живущий за горами, *ultramarine* — заморский.

Морфологическая сочетаемость *ultra-* ограничена двумя частя-

ми речи, именами существительными и прилагательными. Соответственно и производство слов осуществляется по двум моделям.

1. Spr(ultra) + N — N₁ (ultra+n. microscope — n. ultramicroscope, ultra+n. liberal — n. ultraliberal).

2. Spr(ultra) + A — A₁ (ultra+a. rich — a. ultrarich, ultra+a. long — a. ultralong).

В ту и другую модели допускаются как корневые (ultrasound, ultrared), так и производные суффиксальные основы (ultrana-tion/al, ultrafashion/able. Однако предпочтение отдается простым корневым основам.

Общая продуктивность полупрефикса ultra- значительно ниже, чем super-. На 150 000 слов, зарегистрированных большим англо-русским словарем, приходится 172 слова, оформленных полупрефиксом super-, и только 29 слов, оформленных полупрефиксом ultra- [2]. К числу образований с ultra-, датированных тремя последними десятилетиями, относятся ultralong-range missile — снаряд сверхдальнего действия, ultrahigh-altitude bombing — бомбардировка со стратосферных высот, ultraradar — радиолокационная станция сверхдальнего действия, ultraconservative — ультраконсервативный.

Как и большинство латинских словообразовательных формантов ultra- образует слова преимущественно научного или литературно-книжного характера. Среди научных терминов преобладают слова, обозначающие понятия из области биологии, астрономии, радиотехники, например: ultravirus — фильтрующий вирус, ultra-gaуs — космические лучи, ultrashort — ультракороткий, ultramicroscopic — ультрамикроскопический и др.

Итак, среди иноязычных словообразовательных морфем современного английского языка выделяется группа формантов arch-, super- и ultra-, относящихся к категории полупрефиксов. Все они имеют сложную смысловую структуру и в зависимости от семантики производящей основы деривата могут выражать несколько оттенков значения.

Признаком, позволяющим объединить форманты arch-, super- и ultra- в одну группу, является не только их этимологическая принадлежность и словообразовательный статус, но и наличие общего компонента значения, значения высшей, предельной степени качества, свойственного лицу, предмету или признаку предмета, обозначенному основой.

Слова, образованные посредством arch-, super- и ultra-, нередко имеют оттенок эмоциональной окрашенности, который входит в смысловую структуру данных полупрефиксов как один из компонентов их словообразовательного значения.

Их морфологическая сочетаемость и продуктивность не равнозначны. Из всех трех описанных нами полупрефиксов super- игра-

ет самую значительную роль в словопроизводстве современного английского языка. Он обладает широкой морфологической сочетаемостью, допускает в поле своей словообразовательной активности как корневые, так и производные основы и является наиболее продуктивным по общему количеству образованных слов и по способности давать новообразования.

В силу своего происхождения и специфики значения форманты arch-, super-, ultra- привлекаются главным образом для образования научных и литературно-книжных слов. Однако по мере развития общества, культурного и технического прогресса наблюдается тенденция выхода этих слов за пределы специальной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка, М.-Л., 1966.
 2. Большой англо-русский словарь. Под рук. проф. И. Р. Гальперина, М., 1972.
 3. Граве Г. И. Некоторые семантико-морфологические черты глагольных префиксов в современном английском языке.— В кн.: Типологическое сопоставление семантических классов знаменательных слов и их валентных признаков в английском, немецком, французском и русском языках. Смоленск, 1973.
 4. Грамматика русского языка, Т. 1, М., Изд-во АН СССР, 1960.
 5. Карашук П. М. Аффиксальное словообразование в современном английском языке. М., 1965.
 6. Леонтьева С. Ф. Отрицательные аффиксы в современном английском языке. М., 1971.
 7. Пиоттух К. В. Система префиксов в английском языке. Канд. дисс., М., 1971.
 8. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part 6, Copenhagen, 1942.
 9. Marchand H. The Categories and Types of the Present-Day English Word-Formation. Verlag C—H Beck, 1969.
 10. Nesfield J. C. Historical English and Derivation. London, 1931.
-

Т. В. ОЧЕЛЕНКОВА

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СЛОВА В АФОРИЗМАХ ГР. ГРИНА

Данная статья рассматривает некоторые особенности тематических слов, входящих в состав афоризмов, которые в сжатой форме выражают эмоционально-идейное содержание анализируемых произведений Грехема Грина. Материалом для исследования послужили его романы «Тихий американец» и «Суть дела». В данной работе мы ограничиваемся анализом существительных, которые представляют самую многочисленную группу тематических слов; при этом во внимание принимались их принадлежность к определенному лексико-грамматическому классу, возможный принцип в выборе автором определенного существительного и стилистический эффект такого выбора.

В анализируемых произведениях Гр. Грина «Тихий американец» и «Суть дела» нам встретилось 117 афоризмов. Их число и содержание говорят о том, что стремление автора к афористичности — созданию обобщенных образов — явление, закономерное для его стиля. Афоризмы в анализируемых романах образуют тематическую сетку — «систему повторяющихся значений, выраженных повторами сем, слов, образов и тем» [1, 18]. Мы исследуем тематические слова, которые входят в состав афоризмов и имеют коннотативное значение.

Из всего множества общественных, политических, философских и нравственных проблем реальности Гр. Грин сосредоточивает свое внимание на тех, которые представляются ему наиболее значительными и актуальными. Выбор темы произведения обуславливает его эмоционально-идейное содержание, которое создается взаимодействием всех художественных средств. Слово является основной единицей художественного текста, и «даже, если оно употреблено в тексте только в одном из возможных для него значений, это не исключает сложности последнего. Составляющими лексического значения слова в речи являются его предметно-логическое (денотативное) значение и коннотация» [1, 22].

Преимущественное внимание Гр. Грина к нравственным проб-

лемам сказывается в отборе лексики по определенным количественным и качественным признакам, благодаря которым они становятся тематическими словами. Наиболее часто употребляются такие существительные, как *misery, insanity, innocence, truth, love, hate, happiness, responsibility, lie, hope, suffering, distrust* и т. д. Все эти существительные относятся к лексико-грамматическому классу абстрактных существительных, и большинство из них обозначает названия эмоций. Будучи связанными с понятием эмоций, эти существительные и вне контекста имеют некоторое эмоциональное значение. Это эмоциональное значение еще более усиливается в контексте, так как эти существительные приобретают значение конкретности благодаря их отождествлению с конкретными чувствами героев и многократному повторению. Например, существительное «*innocence*» является важным тематическим словом в романе «Тихий американец». В следующем контексте видно, как оно получает дополнительное значение конкретности:

«What's the good? he'll always be innocent, you can't blame the innocent, they are always guiltless. All you can do is control them or eliminate them» [2, 172],

Innocence is a kind of insanity [2, 172].

Слово *innocence* приобретает значение конкретности, так как читатель понимает, что при этом имеется в виду характеристика Пайла.

Другой пример:

«It is a mistake to mix up the ideas of happiness and love» [3, 201].

Слова *happiness* и *love* получают дополнительное значение конкретности, так как они отражают внутреннее состояние Скоби. Приращение конкретного значения характерно для всех абстрактных существительных.

Таким образом, добавление новых конкретных значений, повторение их в тексте и максимальное усиление их эмоционального значения составляют стилистическую функцию этих абстрактных существительных.

Вторую, менее многочисленную группу существительных составляют конкретные существительные *room, body, house, whisper* и др. Вне контекста эти существительные не имеют никаких коннотативных значений. Однако в составе афоризмов они получают дополнительное значение абстрактности, которое делает их стилистически релевантными. Например:

Whispers are dangerous [2, 142].

A tree is not miserable [2, 148].

Рассматривая абстрактные существительные, можно заметить, что степень их абстрактности неодинакова. Для определения сте-

пени абстрактности можно применить метод исчисления валентностей. Из синонимического ряда слов, относящихся к одному понятийному полю, для многократного повторения чаще отбирается слово, наиболее общее, менее связанное сочетаемостью, круг употребления которого шире, чем всех других слов этого синонимического ряда. Это создает предпосылки для наибольшей степени абстрактности, так как такое слово можно легко распространить на все возможные частные значения, которые выражены другими словами, относящимися к этому же понятийному полю.

Например, из синонимического ряда слов, обозначающих безумие, — *insanity, lunacy, psychosis, mania, dementia* [4, 460] автор отбирает слово *insanity*, которое является наиболее общим в этом ряду и включает в себя более узкие значения его синонимов. Выбор именно этого слова дает возможность для создания переносных значений, так как кроме душевной болезни, это слово означает и неспособность человека к разумной деятельности, выполнению своего общественного долга. Это значение и выступает на первый план в тексте.

Подобным же образом отобрано слово *pride* из синонимического ряда *pride, vanity, vainglory* [4, 649], слово *opinion* из *opinion view, belief, conviction, persuasion, sentiment* [4, 588]. Мы проверили все существительные по словарю синонимов Вебстера и обнаружили, что по этому принципу отобраны почти все абстрактные существительные, входящие в состав афоризмов. Большинство абстрактных существительных, встретившихся нам в составе афоризмов, можно свести к нескольким основным синонимическим рядам:

1. *goodwill, kindness, mercy, pity, love.*
2. *loyalty, trust, faith, fidelity.*
3. *damage, harm, injury, hurt, ruin, decay, death.*
4. *distrust, betray, treachery.*
5. *unhappiness, pain, penalty, suffering, misery.*
6. *dignity, pride, vanity.*

Среди тематических слов можно выделить ключевые слова, которые употребляются чаще, чем их синонимы, и которые несут большую смысловую и стилистическую нагрузку. Слово *love* и его производные употребляются чаще всех остальных его синонимов — в 26, слово *death* и его производные — в 11, слово *innocence* — в 12, слово *thappiness* — в 8, слово *truth* — в 18, слово *rain* — в 7, слово *guilt* — в 11.

Частотность употребления вышеперечисленных существительных указывает на то значение, которое им придается Гр. Грином, а не на ограниченность его словаря. Стилистическая функция этих существительных заключается в обновлении тех контекстов, в которых выступают данные слова, в том, получают ли они новое

идейно-семантическое содержание. Назначение стилистического контекста состоит не в том, чтобы снять многозначность, а в том, чтобы одновременно реализовать как можно больше значений слова и создать возможности для наиболее эффективной реализации новых мотивировок. Выше мы уже говорили о многозначности отобранных Гр. Грином абстрактных существительных и о создании у них дополнительных значений.

Новые мотивировки создаются в основном при помощи тех отношений между словами, которые возникают в пределах одного афоризма. Многие афоризмы имеют характер парадокса, это как бы общепринятые истины наоборот. Такой эффект достигается несоответствием между значением слов вне контекста и той семантической структурой, которая возникает в контексте. Например:

In human relations kindness and lies are worth a thousand truths [3, 56].

God save us always from the innocent and the good [2, 32].

To kill a man was surely to grant him an immeasurable benefit [2, 57].

One does less damage with a mortar [2, 130].

Innocence must die young if it isn't to kill the souls of men [3, 216].

Именно этот принцип построения афоризмов является основным в анализируемых произведениях Гр. Грина.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности тематических слов, входящих в состав афоризмов, мы можем сделать следующие выводы: существительные в основном принадлежат к лексико-грамматическому классу абстрактных существительных; из синонимического ряда слов, относящихся к одному понятийному полю, отбирается одно существительное, менее ограниченное сочетаемостью; абстрактные существительные в контексте получают дополнительное значение конкретности, в афоризмах возникают новые мотивировки, приводящие к парадоксу; все вышеперечисленное составляет стилистическую функцию рассмотренных тематических слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика декодирования. Л., 1974.
 2. Greene Gr. The Quiet American. M., 1959.
 3. Greene Gr. The Heard of the Matter. A Penguin Book, 1965.
 4. Webster's Dictionary of Synonyms. Springfield, Mass., U.S.A., 1951.
-

Т. В. ОЧЕЛЕНКОВА

ЭЛЕМЕНТЫ АФОРИСТИЧНОСТИ В СТИЛЕ ГР. ГРИНА (на материале романа «Тихий американец»)

Грехем Грин — большой и тонкий художник, один из крупнейших представителей английского критического реализма. Он прошел путь от раскрытия диалектики характера и отражения мотивов поведения отдельных людей до выяснения сложных связей, характеризующих жизнь общества в целом. Его книги поражают разнообразием поставленных в них проблем, лаконичностью и отточенностью формы. Книги Грина «бедны» внешней образностью. Его манера изложения отличается краткостью, сжатостью и в то же время глубиной и необычайной точностью. Стремление вложить как можно больше мысли и чувства в наименьший объем приводит Грина к афористичности.

Афористичность — одна из самых характерных черт стиля Гр. Грина, и данная работа является попыткой рассмотреть ее на примере романа «Тихий американец».

Афоризмы определяют по-разному. Одни авторы указывают на краткость, выразительность и смысловую емкость афоризма. Они называют афоризмами краткие изречения, или просто краткие выразительные изречения [1, 17], или изречения, выражающие какую-либо обобщенную мысль [2, 83]. Все эти определения характеризуют семантический аспект афоризма, оставляя в стороне вопрос о его форме.

Иной подход к сущности афоризма намечается в работе Л. И. Швыдкой. Она дает следующее определение: «Афоризмы — цельнопредикативные фразеологические единицы, представляющие собой обобщающие клише с прямым (безобразным) выражением общего значения» [3, 96]. Это определение учитывает обе стороны афоризма — и форму и содержание. Спорным, однако, представляется сведение афоризма к фразеологической единице. Это необоснованно сужает понятие афоризма, ибо заставляет признавать афоризмом высказывание, имеющее фиксированную, засты-

шую форму. Наблюдения же над афоризмами в романе «Тихий американец» показывают, что афоризмы могут иметь свободную форму.

Innocence is a kind of insanity [4, 174].

One leaves people oneself, and then the tide turns [4, 163].

We have so few ways in which to assuage the sense of guilt [4, 193].

Таким, образом, афоризмом может быть любое цельнопредикативное предложение независимо от степени его фразеологичности. Фразеологичность является релевантным признаком только одного из видов афоризмов — пословиц. Кроме них бытует и множество авторских афоризмов. Провести четкую грань между различными видами афоризмов нелегко, но совершенно очевидно, что не всякий афоризм является пословицей или может стать ею. Исходя из сказанного, мы определяем афоризм как краткое изречение, выражающее в сжатой форме обобщенную мысль и оформленное в виде предложения.

При сравнительно небольшом объеме романа «Тихий американец» — в нем около 200 страниц — число предложений, имеющих афористический характер, представляется довольно значительным — около 70. Источники афоризмов в этом романе весьма разнообразны, но содержание большинства афоризмов является концентрированным отражением нравственных проблем реальной жизни. В связи с этим закономерно говорить об экстралингвистическом содержании афоризмов: Грин подбирает в свои афоризмы такие слова, лексические и грамматические значения которых передают как объективные отношения вещей, так и авторскую оценку этих вещей и отношений. Экстралингвистическое содержание афоризмов обусловлено также и логико-психологически: человеческому разуму присуще абстрактное мышление и стремление к обобщениям. Грин широко использует эту особенность читательского сознания и прибегает к таким формулировкам, которые легко могут быть распространены и на другие ситуации.

Чтобы понять своеобразие гриновских афоризмов, необходимо выявить приемы их создания. Очевидно, можно говорить о структуре афоризмов в следующих аспектах: а) отбор слов, способных придать высказыванию обобщенный характер; б) выявление в словах именно тех лексических значений, которые реализуют обобщение; в) синтаксическое оформление афоризмов; г) функция афоризмов в тексте.

Какую лексику отбирает Грин для своих афоризмов? Из синонимического ряда слов, относящихся к одному понятийному полю, отбирается, как правило, слово, менее ограниченное сочетаемостью: suffering, love, hate, distrust, opinion, vanity и т. д.

War and Lowe — they have always been compared [4, 164].
Death takes away vanity... [4, 33].
Unfortunately the innocent are always involved in any conflict [4, 130].

Слова эти, к тому же, весьма ассоциативны, и это способствует многоплановости высказывания, что создает возможность их актуализации в разных контекстах. Гриновские афоризмы насыщены словами, означающими эмоции; они создают определенное настроение уже своей множественностью и вызывают соответствующие переживания у читателя. Эмоциональный характер афоризмов подчеркивается также словами, которые вызывают определенные эмоциональные ассоциации: *life, death, jealous, truth, lie* и т. д.

Афоризмы имеют двойственный характер: они и абстрактны, и конкретны. Абстрактный характер гриновских афоризмов обеспечивается лексически и грамматически. Формулируя свои афоризмы, Грин использует характерное для общих истин время глагола — настоящее неопределенное время.

Even an opinion is a kind of action [4,40].

When we are unhappy we hurt [4, 128].

В качестве подлежащего Грин использует в своих афоризмах такие местоимения, как *we, you, one*, что также подчеркивает обобщающий характер высказывания.

You cannot love without intuition [4, 31].

Why does one want to tease the innocent? [4, 31].

Этой же цели служит введение таких усилителей, как *never, always, everywhere, ever* и т. д.

Oh, yes, people always, everywhere loved their enemies [4. 57].

Необходимо также отметить, в какие отношения Грин ставит слова в афоризме. Как правило, это отношения столкновения, неожиданного смещения:

а) сближение соположенных разных понятий на уровне сем.

Happy memories are the worst [4, 157].

Thought's a luxury [4, 106].

б) столкновение сем.

There is a conflict between sun and air [4, 99].

в) двух- или даже трехступенчатое столкновение коммуникаций.

Perhaps truth and humility go together; so many lies come from our pride [4, 135].

We are too small in mind and body to possess another person without pride or to be possessed without humiliation [4. 131].

Вышеприведенные афоризмы очень выигрывают от неожидан-

ности смещения понятий, внезапности столкновения привычных, в **общем-то**, представлений. Такие отношения способствуют наибольшему выдвиганию всех образов, а также порождают некую вторичную систему образов, надстроенных над первой. Это также в большой степени способствует многоплановому характеру афоризмов, который обеспечивается и ассоциативностью слов, включенных в афоризмы. Рассматривая грамматическое оформление афоризмов, мы должны выявить те типы осложнения, которые не обязательны для построения предложения, но являются стилеобразующими.

Мы выявляем следующие типы авторского осложнения:

а) афоризмы с усилением отдельных компонентов в пределах данного высказывания; усиливаются те компоненты, которые несут основную смысловую нагрузку; усилители имеют экспрессивно-усилительный характер.

One forgets so quickly one's own youth [4, 30].

б) афоризмы со снижением отдельных компонентов в пределах данного высказывания.

In the moment of shock there is little pain [4, 157].

в) усиление или снижение отрицанием отдельных компонентов в пределах данного высказывания.

...but one is not betrayed by an enemy [4, 152].

A ruined house is not miserable [4, 150].

г) усиление отрицанием одной части или обеих частей сложносочиненного предложения.

You can't blame the innocent, they are always guiltless [4, 192].

д) усиление или снижение отрицанием придаточного или главного предложения или того и другого вместе.

Suffering is not increased by numbers: one body can contain all the suffering the can feel [4, 131].

You cannot exist unless you have the power to alter the future [4, 90].

Афоризмы с усилением или снижением различных компонентов отрицанием составляют довольно многочисленную группу, поэтому можно предположить, что отрицание в данных афоризмах служит не только для грамматического оформления их, а является стилеобразующим. Действительно, эффектом отрицания оказывается эмфатическое утверждение тех отношений между предметами, которые названы в афоризмах. Таким образом, отношения столкновения, неожиданного смещения понятий поддерживаются не только на словесно-синтаксическом и семантическом уровнях, но и на более высоком, идейно-тематическом уровне.

С одной стороны, конкретный характер афоризмов проявляется в контексте, с другой — в тех типах осложнения, которые идут от автора и являются стилиобразующими.

Рассмотрев некоторые приемы выдвижения в афоризмах Г. Грина, мы можем сказать, что они приводят к смещению привычных представлений, к алогизму и в конечном счете — к парадоксу как отражению противоречивости и сложности жизни. Многоплановость афоризмов придает всему роману объем и глубину. Анализ показал, что афоризмы чрезвычайно важны для структуры романа, так как они являются необходимым организующим элементом, который образует тематическую сетку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка, М., 1960.
 2. Словарь иностранных слов, М., 1964.
 3. Швыдкая Л. И. Пословицы и афоризмы английского языка как единицы постоянного контекста и структура их значения. Сборник «Стиль и контекст», Л., 1972.
 4. Greene Gr. *The Quiet American*, M., 1959.
-

К. Ф. СВЁКРОВА

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ЗАВИСИМЫМ КОМПОНЕНТОМ, ВЫРАЖЕННЫМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

(на материале английского языка)

В статье анализируются адъективные словосочетания, в которых ведущий член выражен прилагательным, а зависимый — существительным.

В известной нам лингвистической литературе данный вопрос не получил детальной разработки, хотя он представляет интерес как в теоретическом, так и в практическом плане. Существительное в рассматриваемых нами адъективных сочетаниях выступает в роли интенсификатора прилагательного, указывая на большую степень проявления признака, выраженного прилагательным. Но семантический анализ адъективных словосочетаний с существительным-интенсификатором прилагательных не входит в цели настоящей статьи.

Исследование проводилось на материале произведений современных английских и американских писателей — Дж. Голсуорси, Р. Олдингтона, А. Кронина, С. Моэма, Э. Хемингуэя, Г. Ларднера, У. Сарояна, Д. Селинджера и др. Также исследованы словарные статьи из 20 словарей — 10 английских и 10 американских. Всего проанализировано около 12 тысяч страниц текста.

При анализе структурных особенностей адъективных словосочетаний использовались дистрибутивный метод и метод НС.

Рассматриваемые нами адъективные словосочетания относятся к подчинительным словосочетаниям¹, где выделяется главный член или ядро, выраженный прилагательным, и зависимый член или адъюнкт, выраженный существительным или предложным оборотом. Под предложным оборотом мы понимаем сочетание

¹ См. характеристику подчинительных словосочетаний, данную проф. Бархударовым [1, 47].

предлога и существительного с определениями или без них. В зависимости от того, представлен ли адьюнкт одним словом (существительным) или существительным с детерминативом и определением (или без него), мы делим адьюнкты соответственно на простые (heaps better) и расширенные (a great deal worse).

Ядро во всех рассмотренных нами сочетаниях простое, то есть выражено одним словом — прилагательным. В зависимости от местоположения адьюнкта относительно ядра адъективного словосочетания можно выделить два типа этих словосочетаний:

- 1) с адьюнктом в препозиции;
- 2) с адьюнктом в постпозиции.

Адъективные словосочетания с адьюнктом в препозиции

В функции адьюнкта в таких словосочетаниях может употребляться существительное в единственном или множественном числе с детерминативом и определением (или без них). В зависимости от количества и характера компонентов, выражающих адьюнкт в препозиции, нам представляется возможным выделить следующие структурные типы адъективных словосочетаний:

1. Словосочетания с простым адьюнктом, выраженным существительным в единственном или множественном числе. Структура этих словосочетаний может быть представлена следующим образом¹:

NA	worlds worse heaps better yards slower miles superior points different lots prettier way under — powered
E. g.	«He is heaps better» [3, 555]. «Climbing on jet alone, without her rockets, she was way underpowered» [15, 36]. «I feel worlds better now» [3, 1484].

Ядро в сочетаниях типа NA может быть выражено прилагательным как в положительной (way underpowered), так и в сравнительной степени (lots prettier, yards slower, miles superior, heaps better, worlds worse).

2. Словосочетания с адьюнктом, выраженным существительным с детерминативом. В группу детерминативов в грамматике

¹ Здесь и далее: N — существительное; NP — существительное с определителем; A — прилагательное; Q_A — определитель, выраженный прилагательным; T — детерминатив; p — предлог.

английского языка большинство лингвистов включают артикли и слова, употребляемые в субстантивном сочетании в позиции артикля [1, 57]. В адъективных словосочетаниях рассматриваемого нами типа детерминатив может быть выражен артиклем, как определенным, так и неопределенным, и неопределенным местоимением.

Структура таких словосочетаний может быть представлена следующим образом:

TNA	a deal tenderer
	a lot easier
	a sight cleverer
	a heap better
	a world finer
	the world obliged
	a quantity neglectable
	no end proud

E. g. You, boys of this generation, are a deal tenderer fellows than we used to be [11, v. III, 65].

«The Venus Anadyomene is a fine thing, but the Statue of Liberty is a world finer» [11, v. X, 73].

«But at present we appear to agree with the foreign that it (English Grammar) is a quantity neglectable» [5, 131].

«It's no end good of you, Dinny» [4, 39].

Так же, как и в сочетаниях типа NA, ядро в сочетаниях TNA может быть выражено прилагательным в положительной степени (a quantity neglectable, the world obliged, no end proud, no end good) и в сравнительной степени (a deal tenderer, a lot easier, a world finer).

3. Словосочетания с адьюнктом, выраженным существительным с детерминативом и определителем. Расширение адьюнкта адъективных словосочетаний может происходить за счет определителей к этому существительному. Во всех рассматриваемых случаях определитель выражен прилагательным. Структура этих словосочетаний может быть представлена следующим образом:

TQ _A NA	a great (good, vast, pretty, damned, deuced, devilish) deal worse;
	a considerable (great, good, damn, devilish) degree better;
	a considerable (long, good, fine, heap, darn, damned (damn, dam) devilish, deuced, bloody, cowing) sight happier;
	a long (big, great, darn) way cheaper;
	a whole (good, great, wonderful) lot stiller.

E. g. «He knew that he was a great deal cleverer than most of the persons he had to deal with» [8, 239].

«It's a devilish sight harder to write to a President than to a private man» [11, V. IX, 27].

«It's a whole lot more brittle [11, V. VII, 120].

«If me and Beril did a bit as well, our lives woud be a bloody sight livelier but...» [13, 62].

Ядро в словосочетаниях $TQ_A NA$ выражено прилагательным в сравнительной степени. Этот тип словосочетаний является наиболее распространенным.

Адъективные словосочетания структуры $TQ_A NA$ с адьюнктом в препозиции трансформируются в сочетания с адьюнктом в постпозиции, выраженным тем же существительным (с детерминативом и определителем), введенным предлогом by, to:

a great deal worse — worse by a great deal;

a considerable degree better — better to a considerable degree;

a long way cheaper — cheaper by a long way;

a considerable sight better — better by a considerable sight.

4. Адъективные словосочетания с адьюнктом, выраженным существительным (с детерминативом и определителем или без них), введенным предлогом. Структура этих словосочетаний может быть представлена следующим образом:

$p(TQ_A)NA$ by a long way the most sober;

in a great degree original;

out of all sight most comic;

out of sight more suitable;

E. g. «And yet the News Cronicle is by a long way the most sober of the big circulation British newspaper» [6, 33].

«It is out of sight the best thing he has written» [17, V. VII, 2214].

«He had a real desire to call the attention of the wise to a talent which was in the highest degree original» [9, 23].

В сочетаниях структуры $p(TQ_A)NA$ ядро может быть выражено прилагательным в положительной, сравнительной и превосходной степени. Этот тип словосочетаний является одним из малоупотребительных.

Адъективные сочетания с адьюнктом в постпозиции

Данный тип адъективных словосочетаний представлен сочетаниями с постадьюнктом, выраженным существительным (с детерминативом и определителем или без них), введенным предлогом.

Структура таких сочетаний может быть представлена следующей общей формулой: $Ap N(P)$.

Так же, как и сочетания с адьюнктом в препозиции, сочетания с адьюнктом в постпозиции делятся на две группы в зависи-

мости от того, выражен ли адьюнкт одним словом или словосочетанием:

1. Словосочетания с простым постадьюнктом ApN ;

2. Словосочетания с расширенным постадьюнктом $ApTQA N$.

Группа ApN представлена словосочетаниями, где постадьюнкт вводится следующими предлогами:

beyond	A	beyond	N
		vulgar beyond	belief
		noisy beyond	endurance
		large beyond	description
		great beyond	measure
		selfish beyond	words

E.g. «It was strange that his critical sense...should be satisfied in himself with what was hackneyed and vulgar beyond belief» [9, 82].

«I know that you're selfish, selfish beyond words» [10, 83].

past	A	past	N
		broken past	words
		large past	belief
		angry past	bearing

E.g. «They, my affairs, are large, large past belief» [2, 36].

«... our contact is at an end and broken past words» [2, 58].

without	A	without	end
		comic without	end

Предлог without вводит только существительное end, это сочетание представлено в нашем исследовании одним примером:

E.g. «It was part of intimate formality, which to Boy Calvert, was comic without end» [14, 48].

2. Группа сочетаний с расширенным постадьюнктом $ApTQA N$ представлена словосочетаниями, где постадьюнкт вводится следующими предлогами:

by	A	by	TQA N
	better	by	a great deal
	prettier	by	a considerable sight
	junior	by	a long way
	more decent	by	a long chalk (chalks)
	better	by	a long shot

E.g. «Bligh, who was his junior by a long way» [11, 1890].

«It is better by a great deal» [16, V. I, 581].

«You are a more decent chap by a long chalk». [12, 237].

Ядро в таких сочетаниях выражено прилагательным в сравнительной степени (junior, better).

to A to T(Q_A)N

stupid
obstinate } to a degree
easygoing }

jealous
far-fetched } to the last degree

self-absorbed to a pathological (unheard-of) degree
stupid to the last degree
frightened to death

scared
sick } to death
tired }

E.g. «In some things she must have been stupid to a degree [17, V. I, 594].
«She was jealous to the last degree» [11, V. III, 148].
«Lauthe grew up sharply brilliant, graceful, morbid, self-absorbed to a pathological degree» [7, 91].

Во всех проанализированных нами адъективных словосочетаниях ядро выражено одним словом — прилагательным или отглагольным адъективом — *agitated, exhausted, disconcerted, subdued*. Эти отглагольные адъективы в современном английском языке утратили глагольный характер, обозначают вневременной, постоянной признак и ощущаются как прилагательные.

В структурном отношении прилагательные, являющиеся ядром адъективных словосочетаний, подразделяются на 2 группы:

1) прилагательные первичного образования — *good, bad, mad, fresh, fine, still, smart, easy, large, clever, hard, proud, big, firm, close, long, cold, sick, high* — всего 43;

2) прилагательные суффиксального образования — *comfortable, neglectable, exhausted, agitated, subdued, suitable, lovely, interesting, pleasant, disconcerted* — всего 13.

В проанализированной литературе нам встретилось 4 сложных прилагательных — *self-absorbed, far-fetched, underpowered, easygoing*.

Ядро может быть выражено прилагательным в положительной, сравнительной и превосходной степени.

Прилагательное в положительной степени в качестве ядра употребляется в словосочетаниях: а) с адъюнктом в препозиции в следующих структурных типах:

NA — way underpowered

TNA — a sight better

pTQ_ANA — in a great degree subdued

(только в случае если ядро выражено отглагольным адъективом).

б) с адьюнктом в постпозиции, введенном предлогами: beyond, past, without, to:

ApN(P) — large beyond belief, noisy past endurance, comic without end, obstinate to a degree.

Прилагательное в сравнительной степени в качестве ядра употребляется в словосочетаниях всех рассмотренных нами структурных типов:

а) с адьюнктом в препозиции:

NA — heaps better

TNA — a world finer

TQ_ANA — a long sight cheaper

pTQ^ANA — out of all sight more suitable

б) с адьюнктом в постпозиции, введенном предлогом by:

A by TQ_AN — better by a great deal, junior by a long way.

Словосочетания с прилагательным в сравнительной степени в качестве ядра являются наиболее распространенным типом словосочетаний в ряду рассматриваемых нами.

Прилагательное в превосходной степени в качестве ядра употребляется только в адъективном словосочетании типа:

pTQ_ANA — by a long way the most sober; out of all sight the best; out of all sight most comic.

Это малораспространенный тип сочетаний.

Итак, анализ адъективных словосочетаний с адьюнктом, выраженным существительным (с детерминативом и определителем или без них), позволил выделить следующие структурные типы:

1) с адьюнктом в препозиции:

NA

TNA

TQ_ANA

pTQ_ANA

2) с адьюнктом в постпозиции:

ApN

ApTQ_AN

Ядро в адъективных словосочетаниях может быть выражено прилагательным первичного или суффиксального образования.

В функции ядра в адъективных словосочетаниях может быть употреблено прилагательное в положительной, сравнительной и превосходной степени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного языка, М., 1966.
2. Bentley S. The Calipso Case. N. Y., 1963.
3. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford, 1956.
4. Galsworthy J. Maid in Waiting. M., 1960.
5. Jerome K. Three Men on the Bummel. L., 1921.
6. Johnstone B. In the name of Peace. L., 1968.
7. Lehmann R. The Ballad and the Source. N. Y., 1945.

8. Maugham S. Collected Short Stories. L., 1963.
 9. Maugham S. The Moon and Sixpence. M., 1969.
 10. Maugham S. The Painted Veil. L., 1953.
 11. The Oxford English Dictionary. Oxford, 1933.
 12. Saxton A. The Great Midland. M., 1951.
 13. Sillitoe A. Key to the Door. M., 1969.
 14. Snow C. P. The Masters. L., 1963.
 15. Spitzbardt H. Lebendiges Englisch. Halle(Saale), 1962.
 16. Webster's New Twentieth Century Dictionary of the English language. N.Y., 1963.
 17. Webster's Third New International Dictionary. L., 1961.
-

К. Ф. СВЁКРОВА

АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ЗАВИСИМЫМ КОМПОНЕНТОМ, ВЫРАЖЕННЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ

Местоимение является довольно распространенным средством выражения интенсификации качества или признака, выраженного прилагательным.

За последние десятилетия (особенно последние 10—15 лет) рост популярности местоимений-интенсификаторов прилагательных отмечается в работах как советских, так и зарубежных англистов: Гальперин И. Р. [3], Шпитцбардт Г. [27], Редферн Р. [22], Бэклунд У. [4], Болингер Д. [5] и др. Выбор темы настоящей работы обусловлен недостаточной разработанностью данного вопроса. В названных работах большое внимание уделяется тенденции распространения местоимения в функции интенсификатора прилагательного, но мало исследован вопрос о структурно-семантических особенностях таких словосочетаний. Исследование проводилось на материале произведений современных английских и американских писателей и драматургов — Голсуорси Дж, Кронина А., Осборна Д., Уэскера А., Уотерхауса К., Холла У., Пристли Дж., Грина Гр., Хемингуэя Э., Гейма С., Шоу М., Ларднера Р. и др. Всего проанализировано около 10 тысяч страниц художественного текста.

Выражая безотносительно высокую степень признака или качества, обозначенного прилагательным, местоимение выступает в функции наречия степени *very*. Такое использование местоимения называется адвербиальным, а само местоимение называется адвербиальным местоимением [2, 7] — соответствующий термин в английском языке — *adverbial* [22, 74].

При анализе адъективных словосочетаний рассматриваемого нами типа использовались дистрибутивный метод, метод НС и субституции. Адъективные словосочетания с зависимым компонентом, выраженным местоимением, относятся к подчинительным словосочетаниям [2, 47].

Это бинарные словосочетания, компоненты которых синтаксически неравноправны: в них выделяется ядро, выраженное прилагательным, и адьюнкт, выраженный местоимением.

Во всех рассмотренных нами случаях и ядро, и адьюнкт — простые, т. е. выражены одним словом, а не словосочетанием [2, 46]. В проанализированных текстах нам встречались следующие местоимения в функции адьюнкта: *any, anyone, anything, none, something, all, that*. Дополнительный анализ, возможно, выявит и другие местоимения.

В зависимости от местоположения адьюнкта относительно ядра словосочетания можно выделить два типа этих словосочетаний:

- 1) с адьюнктом в препозиции;
- 2) с адьюнктом в постпозиции.

В функции адьюнкта в препозиции могут употребляться местоимения: *none, any, something, all, that*. Структура таких словосочетаний может быть представлена следующим образом:

P_dA¹
none the better
any sorrier
something nervous
all foolish
that high

Ядро в сочетаниях типа P_dA может быть выражено прилагательным как в положительной, так и в сравнительной степени.

Местоимения *none, any* являются адьюнктами словосочетаний, ядро которых выражено прилагательным в сравнительной степени, и характеризуется ограниченной семантической сочетаемостью. В функции ядра употребляются прилагательные: *good, bad, sorry, happy*.

E.g. He went home feeling that he was much the better and Christine none the worse for the adventure [10, 347].

«You are not any sorrier than I am», Evans said [10, 226].

Something является адьюнктом словосочетаний, где ядро выражено прилагательными, передающими неприятные впечатления и эмоции: *awful, dreadful, nervous*. E. g. «This hat looks something dreadful [15, 71]. Something употребляется в этой функции довольно редко и только в разговорной речи; нами зарегистрировано в сочетании с упомянутыми тремя прилагательными.

Адвербиальные местоимения *all* и *that* обладают более широ-

¹ Здесь и далее: P_d — местоимение адвербиальное; A — прилагательное.

кой семантической сочетаемостью и встречаются гораздо чаще; поэтому мы подвергли их более тщательному анализу. All — усиливает прилагательные в утвердительных предложениях.

E.g. «The weather is all hot now. Bring it in» [5, 47].

«At fifty-five he was all military» [6, 55].

«She is all beautiful in her new dress, Mama, just look at her» [5, 47].

При членении по НС мы получаем на соответствующем уровне членения бинарное словосочетание all hot, all military, all beautiful, где all — зависимый член по отношению к ядру, выраженному прилагательными: hot, military, beautiful. All в таких словосочетаниях является эквивалентом very. Проводим проверку на субституцию: She is all beautiful in her new dress — She is very (extremely) beautiful in her new dress.

Ядро может быть выражено причастием:

E. g. «I am all upset» [8, 417].

Предложение типа Those ideas are all empty [15, 47] допускает двоякое толкование:

1) all — адьюнкт адъективного словосочетания all empty, где all эквивалентно very, quite, т. е. как в рассмотренных ранее примерах — all beautiful, all hot.

Проводим проверку на субституцию: Those ideas are all empty — Those ideas are quite empty.

2) all — адьюнкт субстантивного словосочетания с ядром, выраженным существительным ideas, и предложение трансформируется: Those ideas are all empty — All those ideas are empty.

Двусмысленность устраняется контекстом.

Иногда в самом предложении есть уточняющие обстоятельства: E. g. «He was all wrong: hopelessly, dangerously wrong» [24, 136]. Всего нами зарегистрировано 13 прилагательных в адъективных словосочетаниях с адьюнктом, выраженным all.

Не решая самой проблемы семантической группировки слов, исследуемые прилагательные можно, хотя и весьма приблизительно, подразделить на 3 группы:

1) прилагательные, обозначающие физические характеристики объектов: wet, straight, easy, hard, hot — 5;

2) прилагательные, обозначающие эмоциональное состояние: glad, upset, foolish — 3;

3) прилагательные, дающие оценочную характеристику в широком смысле: beautiful, empty, military, right, wrong — 5.

Сочетание all right употребляется довольно часто и звучит как клише. Употребление all в адъективных словосочетаниях ор-

раничено сферой разговорного языка и чаще всего встречается в диалектной речи.

That употребляется в функции препозитивного адьюнкта в в адъективных словосочетаниях, где ядро выражено прилагательным или причастием.

That используется в этой функции в утвердительных отрицательных и вопросительных конструкциях. Адвербиальное местоимение that используется как интенсификатор прилагательных давно: ОЕД (20, V, IX) приводит примеры, относящиеся к 17 столетию. Довольно широко используется местоимение that как интенсификатор в XX веке, большинство примеров зарегистрированы нами в произведениях последних десятилетий. Адвербиальное местоимение that до некоторой степени начинает вытеснять very, so. Расширяется сфера семантической сочетаемости that с прилагательными: в проанализированных текстах that в этой функции встретилось нам в сочетании с 22 прилагательными.

В функции ядра в таких сочетаниях может быть употреблено причастие.

- E. g. «I'm that pleased about it» [9, 372].
«I'm that scared of it» [9, 186].
«Nay'I were that surprised» [21, 24].

Прилагательные, употребленные в функции ядра, могут быть разделены на следующие семантические группы:

1) группа прилагательных, выражающих эмоциональное состояние, настроение: glad, angry, rocky, miserable, pleased, scared, surprised — 7;

- E.g. «I am that glad, you've had a nice long sleep, dear» [9, 361].
«Ask my wife — if I seemed that angry» [14, 180].
«I am afraid I might not get up again I am that rocky» [7, 109].

2) группа прилагательных, выражающих черты характера, поведение: brazen, cool, gentle, hypocritical, lazy, obstinate, uncertain — 7:

- E.g. «Is the night dress still there?»
«Oh, no, it's gone — She's that brazen» [25, 94].
«You are that uncertain these days. I never know when to expect you» [9, 479]. You were that cool [15, 78].

3) группа прилагательных, дающих оценочную характеристику в широком смысле: important, heavy, thin, strong, bad, big, good, high — 8:

- E.g. «He hadn't remembered he had been that good» [23, 41].

«I didn't know the dame was that important to Sergeant Bing» [13, 426].

«The fact of the matter is that heavy» [11, 169].

Словосочетания с некоторыми прилагательными представлены в нашей работе несколькими примерами: sorry — 6; angry — 5; high — 4; thin — 3; bad — 3, good — 3.

Преподаватель одного американского университета Р. К. Редферн [22, 74] отмечает усилившуюся за последние 10—15 лет тенденцию использования *that* в функции интенсификатора прилагательных и наречий, особенно в отрицательных и вопросительных конструкциях.

E.g. «She wasn't that kind and her eyes and mine happened to meet» [17, 121].

«Had it been that simple and direct?» Carter wondered [17, 33].

Анализ контекста показывает, что в таких предложениях *that* не подразумевает сравнение, а указывает на степень интенсивности признака, выраженного прилагательным и является эквивалентом *very, so*.

Р. Редферн [22, 75] приводит следующий пример: студентка, собирающаяся перевестись в другой университет, заявила: «The requirement isn't that high». Когда преподаватель спросил ее, что она имела в виду, она пояснила: «You don't have to put yourself out too much». Это пояснение дает возможность субституции: The requirement isn't that high — The requirement isn't very high.

В проанализированной литературе *that* в отрицательных предложениях встретилось нам в сочетании с 13 прилагательными, которые могут быть условно подразделены на 2 группы:

1) группа прилагательных, выражающих черты характера, поведение: cruel, crazy, kind, modest — 4:

E.g. «Thank God, I'm not that modest» [15, 78].

«He wasn't that kind» [17, 122].

«No, I'm not that cruel» [11, 146].

2) группа прилагательных, дающих оценочную характеристику в широком смысле: bad, good, simple, rough, important, strong, old, clear, high — 9:

E. g. «I need a pencil for that», he said, «my head is not that clear» [12, 96].

«Mushrooms are not that important [26, 82].

«Well, Dad. it's not that simple» [18, 273].

Словосочетания со следующими прилагательными представле-

ны в нашей работе несколькими примерами: kind — 5, simple — 4, important — 4.

В вопросительных конструкциях ядро выражено прилагательными, дающими оценочную характеристику в широком смысле: bad — 7, simple — 3, good — 2, important — 1.

Е. g. «Are his eyes that bad?» [12, 36].

«Had it been that simple and direct?» Carter wondered [17, 33].

Bad, good, simple, important — эти 4 прилагательных, дающие оценочную характеристику в широком смысле, употребляются во всех конструкциях — утвердительной, отрицательной, вопросительной.

Употребление that в функции интенсификатора прилагательных ограничено сферой разговорного английского языка и в словарях дается с пометой — colloq. или vulg.

По мнению Кирхнера [15, 79], Шпитцбардта [26, 82], Бэклунда [4, 206] использование that в функции интенсификатора прилагательного характерно для американского варианта разговорного английского языка, хотя тенденция к использованию that в этой функции проявляется и в британском варианте, особенно в диалектах.

Данные нашего исследования совпали с мнением названных авторов и распределились по вариантам следующим образом:

Конструкция	Варианты		Всего
	британский	американский	
Утвердительные	12	19	31
Отрицательные	5	24	29
Вопросительные	1	12	13

Адъективные словосочетания с адьюнктом в постпозиции

Этот тип словосочетаний менее употребителен, чем словосочетания с препозитивным адьюнктом. В функции адьюнкта могут быть использованы местоимения anything, anyone. Структурная формула этих словосочетаний может быть представлена следующим образом:

A as Pr_d
hard as anyone

Е. g. «He used to be popular as anyone and made as much noise» [17, 401].

«Life was cruel and hard but if she steeled herself she would be as hard as anyone» [19, 56].

Н. Н. Амосова [1, 146] отмечает, что в современном разговорном английском языке существует «чистый» интенсификатор anything, возникший в результате ослабления усилительного компонента (выраженного существительным) некоторых компаративных конструкций типа as+прилагательное+as+существительное: *angry as anything, beautiful as anything*.

Е. g. «He's as big as anything» [15, 105].

«I—I had such nice nourishin' broth for ye, boy, as sweet as anything [9, 362].

«You know, sir, our can is crowded as anything—we got them sleeping in shifts» [13, 240].

Итак, в современном разговорном английском языке, особенно в его американском варианте, местоимение употребляется в функции интенсификатора прилагательного.

Местоимение, использованное в этой функции, является эквивалентом *very*.

В адъективных словосочетаниях рассмотренного типа местоимение является адьюнктом по отношению к ядру, выраженному прилагательным.

В функции адьюнкта могут быть использованы следующие местоимения: *none, any, something, all, that, anything, anyone*.

В зависимости от местоположения адьюнкта относительно ядра словосочетания можно выделить два структурных типа:

1) с адьюнктом в препозиции — $P_{гд} A$;

2) с адьюнктом в постпозиции — $A \text{ as } P_{гд}$.

Наиболее употребительными являются адъективные словосочетания с препозитивным адьюнктом, выраженным местоимениями *all* и *that*.

Прилагательные, употребленные в функции ядра, отличаются семантическим разнообразием и распадаются на несколько групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии, Л., 1963.
2. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
4. Bäcklund U. The Collocations of Adverbs of Degree. Uppsala, 1973.
5. Bolinger D. Degree Words, Mouton, The Hague-Paris, 1972.
6. Bailey F. K. Seven Days in May. N.Y., 1969.
7. Bentley S. Calipso Case. Penguin Book, N.Y., 1963.
8. Carter D. Fatherless Sons. M., 1957.
9. Cronin A. Hatter's Castle. M., 1957.

10. Cronin A. The Citadel. M., 1957.
 11. Greene Gr. The Quiet American. M., 1963.
 12. Hemingway E. The Old Man and the Sea. M., 1967.
 13. Heym St. The Crusaders. M., 1951.
 14. Highmark P. The Glass Cell. Heinemann, London, 1965.
 15. Kirchner G. Gradadverbien in heutigen Englisch, Halle, 1955.
 16. Lawrence D. H. The White Peacock. Hamburg, 1934.
 17. Modern American Short Stories. M., 1960.
 18. Modern English Short Stories. M., 1961.
 19. Morris R. Thoroughly Modern Millie. N.Y., 1967.
 20. The Oxford English Dictionary, Oxford, 1933.
 21. Priestley J. The Good Companions, Leipzig, 1930.
 22. Redfern R. K. Not that Bad: Comments on the Use of the Adverbial That. American Speech, No. 40, 1965.
 23. Shaw G. B. Two Weeks in Another Country, Penguin Books, 1967.
 24. Shaw G. B. The Doctor's Dilemma, Leipzig, 1906.
 25. Spark M. The Pride of Jean Brodie. Penguin Books, 1961.
 26. Spitzbardt H. Lebendiges Englisch, Halle (Saale), 1962.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Г. Биренбаум. Эмоциональность и экспрессивность в пространстве вводности	3
М. П. Бондаренко. О некоторых лексических средствах экспрессии в новеллах М. Эме	11
Э. М. Вольфсон. Смысловые отношения при вложении ведущего компонента	17
Э. М. Вольфсон. Смысловые отношения при вложении определяющего компонента	23
А. М. Лейко. Некоторые знаки препинания как средство выражения эмоций в прямой речи	29
А. М. Лейко. Графические средства как выражение эмоций в прямой речи	34
Б. В. Макарчев. Оценочные префиксы романского происхождения в английском языке	39
Т. В. Очеленкова. Тематические слова в афоризмах	46
Гр. Грина	46
Т. В. Очеленкова. Элементы афористичности в стиле Гр. Грина	50
К. Ф. Свекрова. Структурные типы адъективных словосочетаний с зависимым компонентом, выраженным существительным	55
К. Ф. Свекрова. Адъективные словосочетания с зависимым компонентом, выраженным местоимением	63
